

МАРГО ВУД

ДЕБЮТАНТКА

Марго Вуд
Дебютантка
Серия «Young Adult.
Клуб разбитых сердец»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68346151

М. Вуд. Дебютантка: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-175639-0

Аннотация

Смешная и чувственная история взросления – о новом опыте, переживаниях и ошибках юности.

Многие поступают в колледж, точно зная, чего хотят от взрослой жизни. Эллиот Макхью совсем не из таких. Выбор специальности – последнее, о чем она думает.

Эллиот слишком увлечена новым опытом и возможностями, которые открывает колледж: тусовки ночь напролет, знакомства, флирт, познание своего тела.

Спустя время пьянящее чувство свободы рассеивается и реальность уже не кажется привлекательной: новые друзья разочаровывают, экзамены застают врасплох, а парень ее соседки оказывается настоящим подонком.

Эллиот продолжает совершать фатальные ошибки. Но если она останется честна с собой, возможно, ей удастся стать тем человеком, которым она всегда хотела быть.

И, возможно, Эллиот наконец-то встретит настоящую любовь.

«Я читала без остановки! Умирала от желания узнать, будет ли у истории Эллиот хеппи-энд». – Эбигейл Хин Вэнь, автор бестселлера «""Корабль любви""", Тайбэй»

«Забавная, душевная и реалистичная история взросления». –
Buzzfeed

«Весело и трогательно». – Popsugar

Содержание

Глава 1	6
Глава 1	7
Глава 2	24
Глава 3	43
Глава 4	71
Глава 5	92
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Марго Вуд

Дебютантка

Margot Wood
Fresh

© 2021 Margot Wood

© Петухова Е., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

*Посвящается всем моим ошибкам.
Без вас меня бы здесь не было!*

Глава 1

Эллиот Макхью, красавица и душечка, обладала заурядным гардеробом, гиперактивным нравом, достатком чуть выше среднего и, казалось, была любимицей фортуны. Она прожила на свете почти девятнадцать лет, не ведая особых горестей и тревог¹.

Стоп, стоп, стоп. Полный назад! Очень странно говорить о себе в третьем лице, вы не находите? Как если бы в своей истории я была не героиней, а всеведущей рассказчицей. Хотя формально все верно, ведь пишу-то книгу я. И все же вряд ли стоит продолжать от третьего лица. Не хочу никого обманывать: тщеславие мне не чуждо, но не настолько, чтобы говорить о своей жизни как бы со стороны. Давайте поступим так. Я просто расскажу вам историю – возможно, наполовину правдивую, – и основная ее часть будет происходить здесь, наверху².

Итак, начнем заново, идет?

¹ Обыгрывается начало романа Джейн Остин «Эмма» (1815). (Прим. перев.)

² Впрочем, иногда я буду появляться здесь, внизу. Что поделать, у меня здоровое пристрастие к сноскам. (Прим. автора.) (Далее примечания автора не огораиваются.)

Глава 1

Хай, здрасте, привет всем. Меня зовут Эллиот Макхью, мне восемнадцать, я из Цинциннати. Лев по знаку зодиака, хаотично-добрый экстраверт (в основном), первокурсница колледжа Эмерсон в Бостоне. И еще я без понятия, что вообще здесь происходит.

Знаете эти эпичные фэнтези-битвы в кино, когда дерутся сотни чуваков, везде ад крошечный, а молодой, неискушенный главгер в центре всего будто вот-вот наложит в штаны, пытаюсь понять, что за хрень творится вокруг и как ему выжить? Так вот, это сильно смахивает на первый день в колледже. По крайней мере, в моем представлении. Разумеется, я никогда не участвовала в фэнтези-битвах, но ужас на лицах персонажей – почти как у меня в настоящее время. Отсюда я делаю вывод, что чувствовали они примерно то же.

Я сижу в ярко освещенном мраморном вестибюле Литтлбилдинг³ – своего нового общежития – на куче черных мусорных мешков с моим барахлом и жду, когда папа припаркует машину и поможет мне заселиться. Вестибюль сейчас очень напоминает аэропорт в канун Рождества, когда из-за

³ Название самого большого из пяти общежитий колледжа Эмерсон. Здание, рассчитанное на тысячу проживающих, построено в 1917 году и названо в честь бостонского предпринимателя и филантропа Джона Мейсона Литтла. (Прим. перев.)

метели отменили все рейсы. Раздраженные родители спорят с волонтерами в фиолетовых рубашках насчет того, кому достанется следующая свободная тележка для багажа. Студенты все на нервах, носятся туда-сюда, тягают за собой пузатые чемоданы на разболтанных колесиках и пытаются не споткнуться о бесхозные чехлы для вещей из Bed Bath & Beyond. Потерянные младшие братья и сестры путаются под ногами, разыскивая в толпе своих родственников.

Интересно, все и правда знают, что надо делать? Или просто притворяются, а на самом деле так же растеряны, как и я? В пяти футах справа на красной спортивной сумке в одиночестве сидит девушка и плачет. Я бы подошла к ней, но вряд ли гожусь на роль утешительницы, потому что и сама вот-вот зареву, хотя со мной такое случается редко⁴. Еще пара секунд – и я попрошу о помощи фиолетовую рубашку. И тут, наконец, в вестибюль вразвалочку заходит папа. Он уворачивается от тележки для багажа и небрежно перепрыгивает через стоящие на полу чемоданы.

– Почему так долго? – спрашиваю я, пытаюсь встать со своей мусорной кучи. Он протягивает руку, поднимает меня, и я замечаю глупую самодовольную ухмылку на его лице. К несчастью, она мне отлично знакома. – Серьезно? – Я делаю каменное лицо. – Ты все это время играл в пинг-понг?

Ухмылка становится шире, он начинает возбужденно жестикулировать.

⁴ По крайней мере, на людях.

– Тут в соседней общаге новехонький стол... в Пиано-Роу, кажется. Ты еще туда не заглядывала? Так вот, я шел мимо, увидел свободный стол в вестибюле, ну, и позвал другого папашу сыграть. Разделал его под орех. Просто блеск!

Если честно, не знаю, как папе удалось окончить колледж, не говоря уже о медицинском институте, потому что он единственный взрослый с СДВГ⁵ из всех моих знакомых. Он даже более рассеян, чем я. В обычных обстоятельствах наличие «веселого папы» очень выручает. Только вот первое в жизни заселение в общежитие – далеко не обычная ситуация.

Папа оглядывает мои мешки на полу, потом – царящее вокруг безумие и говорит:

– Так ты здесь заночуешь или у тебя есть настоящая комната?

Он раскачивается на пятках, словно ему не терпится взяться за дело.

– Третий этаж, комната триста одиннадцать, – говорю я, раздумывая о том, как нам туда добраться. Может, все-таки схватить одну из больших багажных тележек? Нет, пять минут назад я видела, как двое взрослых чуть из-за нее не подрались. А поскольку очередь к лифту растянулась на несколько миль, я решаю, что лучше отнести вещи в руках.

– Если останешься здесь и покараулишь мое добро, я управлюсь примерно за четыре подхода, – говорю я, пиная один из бугрящихся мусорных мешков.

⁵ Синдром дефицита внимания и гиперактивности. (Прим. перев.)

– Вот еще! Хватит и одного, – уверенно заявляет папа. Я недоверчиво прищуриваюсь.

– Да нам не утащить все это и за... – начинаю я и умолкаю: отец опускается на корточки, легко поднимает три мешка и перекидывает их через плечо.

– Ну как, справишься? – поддразнивает он, наблюдая, как я приседаю к оставшемуся.

– Да, – бурчу я. – Разумеется.

– Кто первый, тот победил! – кричит он и устремляется к лестнице.

Я пытаюсь поднять последний мешок – ох и тяжеленный, приходится тащить волоком. Он на каждом шагу бьет меня по пяткам. Уходит целая неделя на то, чтобы подняться на два лестничных пролета, потому что: а) я не в форме и б) мешок разорвался где-то по дороге, и за мной тянется след из стрингов и носков. Наконец я забираюсь наверх и вступаю на третий этаж – в свой новый дом.

И черт, мой новый дом ОГЛУШАЕТ. В коридорах царит настоящий зоопарк. Родственники обнимаются, плачут или спорят из-за того, как правильно собирать икеевские столы. Повсюду валяются пустые картонные коробки, открытые чемоданы и полусобранная мебель. Какой-то парень в плаще вампира сидит посреди коридора и играет на приставке. Из одной комнаты вырывается саундтрек к «Гамильтону», из другой грохочет «Блэк Саббат», а над головой со свистом пролетает рулон туалетной бумаги. По коридору мимо нас в

одну сторону мчится кто-то в маске из «Крика», в другую идет девушка с селфи-палкой и снимает влог на телефон.

Мы преодолеваем полосу препятствий и отыскиваем комнату № 311 в дальнем конце коридора. Папа сразу входит внутрь, и тяжелая дверь закрывается у меня перед носом. Я медлю. Ощущение такое, будто наступил Переломный Момент® – редкое и даже уникальное явление особой важности. И теперь у меня есть два варианта, из которых тебе, читатель, предстоит выбрать, идет?

ВЫБЕРИ ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ ЭЛЛИОТ МАКХЬЮ!

Вариант А. Я должна прочувствовать этот Переломный Момент®, посмотреть на свое отражение в блестящей дверной ручке и ощутить себя в роли диснеевской принцессы: время замедляется, музыка нарастает, а я представляю, как войду в эту дверь, оставлю прошлое позади и шагну в будущее.

Вариант Б. Или мне просто открыть чертову дверь и войти внутрь.

Если ты выбрал вариант А, перейди к сноске⁶. Если вари-

⁶ Немного странно: я прожила восемнадцать лет дома, с семьей, а теперь мне

ант Б – к следующему предложению.

В большинстве случаев я предпочитаю не завышать планку, чтобы потом не разочароваться. Способ запатентован и работает почти в любой ситуации, в том числе и сейчас.

Комната представляет собой унылую коробку размером десять на четырнадцать футов. Слава Богу, я не питала иллюзий, что общежитие колледжа будет похоже на картинки, которые впаривают Голливуд и каталог Эмерсона. В противном случае меня ждал бы гигантский облом. Стены, пол и потолок выкрашены в яркий не то желтоватый, не то кремовый цвет. В общем, бежевая обувная коробка с люминесцентным освещением. Однообразие нарушается только окном, выходящим на кирпичную стену, коллекцией неестественно блестящей деревянной мебели и задвинутой в угол двухъярусной кроватью с синими матрасами. Спартанская обстановка, достойная дома для умалишенных.

Первым делом я залезаю в уродливый деревянный шкаф и закрываю за собой дверцу с зеркалом. Внутри пахнет нафталином и потными ногами. Не важно. Суть в том, что, если в него влезла я, значит, поместится и все мое добро, и

предстоит поселиться в незнакомом месте с чужими людьми, в чужой комнате и делить ее с чужим человеком. Я предвкушала этот момент последние три месяца, а по сути – последний год, но ничто не может реально подготовить к первому отъезду из дома. Нужно просто сделать шаг. И вот, пока я стою перед дверью своей новой комнаты, посреди забитого людьми коридора и размышляю о жизни, какой-то здоровяк с тяжелыми коробками, закрывающими обзор, случайно сбивает меня с ног. В довершение он роняет коробки и придавливает меня насмерть. Конец истории. Переходите к странице с благодарностями.

не придется в последнюю минуту заказывать другой шкаф через интернет. Знаю, у меня вроде как было целое лето на подготовку, но я на нее забила. А поскольку в прошлом году мою старшую сестру Иззи в мединститут собирала мама, в этот раз подошла папина очередь обеспечить меня всем необходимым. Вместо этого он потратил уйму времени на планирование бредовых экскурсий, чтобы скрасить нам дорогу из Цинциннати в Бостон.

– Пф-ф, разберемся на месте, – отмахнулся папа, когда три дня назад мы отправились в путь. Вот почему у меня только четыре мешка с ворохом одежды и нераспечатанный комплект постельного белья. Мама купила его по дешевке в Costco лет пять назад – в то время моя младшая сестра Реми еще писалась по ночам.

Довольная размерами нового шкафа, я выхожу из него и объявляю:

– Тщательный осмотр завершен. Со спокойной совестью докладываю, что прохода в Нарнию здесь нет.

– Лишь бы там не появилась Свилярня, – говорит папа и смеется над собственной идиотской шуткой.

– Да, пап, смешно, – ворчу я.

Он оглядывает комнату и садится на нижнюю койку, пробуя, как пружинит матрас.

– Хочешь оставить два яруса?

Я мотаю головой: двухъярусные кровати напоминают о летнем лагере в средней школе. Поэтому мы совместными

усилиями снимаем верхнюю койку и ставим у противоположной стены.

– Тебе еще повезло, что мама не поехала, – говорит папа, водворяя выбранную мной кровать на положенное ей место. – В прошлом году, когда мы отвозили Изабеллу в Колумбийский, мама пыталась окуривать ее комнату шалфеем. А Реми перерыла всю сестрину одежду и натянула на голову трусы точно в тот момент, когда объявилась соседка Иззи по комнате⁷.

Я могла бы сказать, что хочу сейчас видеть рядом маму и сестер, но кого я обманываю... Все-таки лучше расставаться с родными по очереди. Хотя мне и нравится делать вид, будто они меня раздражают, прощаться со всеми сразу было бы невыносимо. Уж лучше так, как теперь...

Я оглядываю комнату, не представляя, чем заняться дальше. Никаких предметов декора я не привезла, поэтому для начала решаю распаковать вещи. Рву свои дизайнерские мусорные мешки и вываливаю ворох одежды на каменный матрас с загадочным пятном в центре (просто притворюсь, что его там нет). Неделю назад мама предложила рассортировать мою одежду по категориям и сложить в вакуумные пакеты на молнии. Естественно, я не послушала ее, о чем теперь глубоко сожалею. Я уже вижу, что взяла мало нижнего белья и еще, кажется, забыла зимнее пальто. Хотя наплевать. Об

⁷ Теперь образ моей озорной младшей сестренки с ярко-розовыми стрингами на голове навсегда останется с вами. Простите.

этой проблеме Эллиот подумает через несколько месяцев, когда похолодает⁸.

– А это что? – спрашивает папа, в то время как я оглядываю гору вещей в надежде, что та сама собой исчезнет.

Он указывает на бугор под моим нераспечатанным комплектом. Я протягиваю руку и достаю предмет, который прежде не заметила. И сразу понимаю: это подарок Реми, обернутый в сверкающую бумагу с единорогами – теперь вся моя одежда в блестках. Разворачиваю сверток и обнаруживаю внутри фиолетовую коробочку с салфетками для сушки и приклеенную к ней бумажку. Читая записку сестры, я не могу не улыбнуться.

Привет, сестричка!

Теперь ты студентка! Вот здорово! Я бы тоже хотела учиться в колледже, ведь тогда нам не пришлось бы расставаться. Мы бы снова жили в одной комнате, как в детстве! Вот решила написать тебе письмо и спрятать в сумку, чтобы ты прочитала его в колледже и не грустила. Я купила тебе салфетки для сушки из новой ограниченной аромасерии. Пришлось потратить на них свои карманные деньги, так что смотри пользуйся ими, вонючка. Не забудь положить одну в наволочку – пусть твои сны приятно пахнут. Ладно, заканчиваю. Люблю тебя, чао-какао!

~ Реми ~

⁸ Или через неделю, когда я узнаю, что Бостон – ледышка девять месяцев в году.

П. С. Пока ты в колледже, переселяюсь в твою комнату. Мама сказала можно.

От широкой улыбки у меня едва не сводит лицо. Я совсем не удивилась, обнаружив салфетки среди своих вещей. Любящая младшая сестренка не пожалела для меня целую коробку! Так мило! Реми одержима этими салфетками с четырех лет: однажды мама застала ее играющей в сушилке. С тех пор Реми испытывает к ним не вполне здоровое влечение. Ей нравится класть их во все комоды, сумочки и рюкзаки. Она даже прицепила салфетки к вентиляторам и кондиционерам в доме и машине.

– Ого! Реми подарила тебе целую коробку? – Папа, кажется, не может поверить своим глазам.

– Ага. Не думала, что доживу до этого дня.

– Вообще-то, она будет по тебе скучать, – говорит папа с непривычной нежностью в голосе.

– Знаю. Я бы тоже скучала по мне – такой классной девчонке.

Я беру несколько салфеток и раскладываю их по ящикам комода, чтобы моя одежда пахла, как Лавандовые Сны™, то есть гораздо лучше по сравнению с благоуханием застарелого пота и нафталиновых шариков. Добираюсь до нижнего ящика и тут замечаю, что папа смотрит на часы. Внутри зарождается паника.

Должно быть, он угадал это каким-то сверхчутьем или

прочел у меня на лице. Встретив мой взгляд, папа говорит:
– Не бойся, я еще никуда не уйду. – Затем он садится на незастеленную кровать и начинает рыться в моих вещах. – Есть чего пожевать или мы все съели по дороге?

Я бросаю ему холщовую сумку с провизией. Он сует руку внутрь и вытаскивает коробку с крекерами Cheez-It. Я тем временем пытаюсь отдалить его отъезд, ужасно медленно складывая вещи в шкаф. Одной рукой папа ест Cheez-It, а другой принимается через всю комнату бросать мне одежду, чтобы я пошевеливалась. Таков наш ритуал с тех пор, как в детстве он учил меня стирать и... о-о-о, воспоминание снова поселяет во мне тревогу. Лучше бы его вообще здесь не было. Или он просто высадил бы меня у обочины, крикнул что-то вроде «Не облажайся!» и уехал. Ненавижу долгие прощания. Уж лучше покончить со всем разом и сорвать пластырь одним махом. Папа снова смотрит на часы... *Черт, черт, черт.* У нас считанные минуты – может, полчаса – до его ухода. Я прекрасно понимаю: мы расстаемся не навсегда, я увижу его через несколько месяцев, вернувшись домой на зимние каникулы... И все же считаю уходящие секунды, мечтая их продлить. Я так долго ждала дня, когда стану официально свободна и начну новую жизнь в качестве студентки колледжа, без родителей, комендантского часа и обязательной ежедневной порции овощей. И вот пришло время попрощаться с папой, с семьей, с прежней жизнью... Только, похоже, я совсем не готова.

Вот засада...

Папа бросает мне последнюю пару носков, и я засовываю их подальше в комод. Оглядываюсь в поисках какого-нибудь предлога, лишь бы отложить расставание и задержать папу, но идеи закончились – и время тоже. Он поднимается, стряхивает с коленей желтые крошки и достает из заднего кармана ключи от машины.

У меня комок в горле, сердце выпрыгивает из груди, а руки и ноги трясутся от страха. Я готова засучить ногами, закричать, заплакать, умоляя папу остаться и никуда не уходить. Так я делала, когда была маленькой и страдала от повышенной тревожности при разлуке...

В то же время я хочу, чтобы он уже поскорее убрался отсюда.

Ненавижу такие ситуации. **СЛИШКОМ МНОГО ЧУВСТВ.**

Начинаю расхаживать по комнате. Главное сейчас – не поддаваться эмоциям, поэтому я решаю заняться стиркой. Сделать это следовало еще до отъезда: все знают, что нужно постирать новые простыни перед первым использованием. Да, момент идеальный. Я принимаюсь вскрывать комплект постельного белья, и тут ко мне подходит папа и успокаивающе кладет тяжелую руку на плечо. Я смотрю на него, готовая рассмеяться над любой шуткой, но...

Он выглядит... хмурым.

Он серьезен.

Он *никогда* не бывает серьезным.

Как-то в прошлом году мы ужинали в любимом папином стейк-хаусе, и пожилой джентльмен за соседним столиком подавился куском пережаренного мяса. Так вот, даже оказывая экстренную помощь тому дядечке прямо в центре обеденного зала Outback Steakhouse, папа шутил с семьей старика и непринужденно болтал с перепуганными официантами. Единственный раз я видела его серьезным в тринадцать лет, когда он сообщил мне о смерти бабушки. Поэтому сейчас его взгляд жутко меня пугает. Значит, не получится спрятать голову в песок. Нельзя просто сорвать пластырь и покончить со всем. Я должна попрощаться с отцом и буду жалеть, если не сделаю этого как положено.

Глубоко вдыхаю, прижимаюсь к папиной широкой груди и обнимаю его.

– Пап, не уходи, пожалуйста, – шепчу я.

Он крепко сжимает меня в объятиях.

– Не бойся, все будет хорошо. Я всегда рядом. – Он целует меня в макушку, и впервые я не пытаюсь увернуться. – Эллиот, это особый момент в твоей жизни. Впереди столько захватывающего! Ты должна радоваться! Жизнь – одна длинная история, и тебя ждет новая глава. Помнишь, в детстве я читал тебе книжки про рыцарей, убивающих драконов? Настала твоя очередь. Тебя ждет большое приключение. Оно непростое, а порой и пугающее. И все же постарайся извлечь из него максимум. Уничтожь парочку драконов,

девочка моя.

Теперь я смеюсь и плачу. Он тоже. Мы оба смеемся и плачем в незнакомой комнатухе общежития в незнакомом здании незнакомого города, который, я надеюсь, однажды смогу назвать своим домом. Папа отстраняется и вытирает слезы, скопившиеся в уголках глаз. Я крепко его обнимаю.

– Делай правильный выбор, Эллиот, – говорит он, напоследок целуя меня в макушку. – Ты всегда будешь моей самой любимой средней дочкой.

– Я у тебя единственная средняя дочка.

Папа смеется и потягивается до хруста в суставах, когда я наконец его отпускаю.

На пороге он оглядывается и подмигивает мне. Потом закрывает за собой дверь и исчезает. Все.

Мой отец ушел.

Я осталась одна.

Меня накрывает паника: лицо горит, на глаза вновь наворачиваются слезы. Я шагаю взад-вперед и быстро трясу руками, пытаюсь унять нарастающую боль в груди... А, пофиг. Я перестаю сдерживаться и даю волю накопившимся внутри сомнениям, страху, грусти и целую минуту ору и плачу в привезенную из дома подушку, чтобы меня никто не услышал⁹.

⁹ В основном я стараюсь плакать в подушку, потому что не умею делать это тихо. Мои всхлипывания переходят в громкие рыдания и судорожные хрипы, лицо краснеет, губы опухают, из носа течет.

В конце концов мне становится легче.

Хорошенько выплакаться бывает полезно.

Я вытираю глаза салфеткой для суши, так как забыла взять с собой бумажные платочки, а больше у меня ничего нет. Это обстоятельство напоминает мне: жизнь продолжается. Нужно отвлечься и найти какое-то занятие рукам, лишь бы не теребить жирными от Cheez-It пальцами немытые с дороги волосы. Я оглядываю пустую комнату и понимаю, что ответ – прямо подо мной. Нужно застелить уродливый матрас в шуршащем водонепроницаемом чехле. Поэтому я, по намеченному ранее плану, собираюсь заняться стиркой.

Да, я не подготовилась к отъезду из дома. Да, у меня мало нижнего белья и нет зимнего пальто, и я только сейчас вспомнила про оставленные в отцовской машине туалетные принадлежности. Но что я точно не забыла, так это средства для стирки. Для меня стирка – глубоко успокаивающий ритуал и единственная работа по дому, доставляющая удовольствие¹⁰. Я выкидываю остатки дорожных снеков из холщовой сумки и кладу в нее салфетки от Реми и упаковку стирально-го порошка ручной работы, который можно купить только в интернете. Открываю дверь комнаты и осторожно выглядываю в коридор. Здесь по-прежнему царит суматоха, но папа вроде бы нигде не прячется, чтобы выпрыгнуть и напугать

¹⁰ И кстати, меня абсолютно не волнует, что я буду делать с вещами после стирки и суши. Просто засуну их поглубже в шкаф, как обычно. Мне нравится сам процесс.

меня, как он часто делает. Поэтому я беру новые постельные принадлежности, перекидываю сумку через плечо, утираю оставшиеся слезы и отправляюсь на поиски прачечной.

Дальше по коридору я обнаруживаю небольшую тесную комнатку с двумя стиральными машинами, двумя сушилками и торговым автоматом. Ассортимент невелик: один порошок, один кондиционер и один вид салфеток для сушики. Я отправляю новое постельное белье в машинку и оставляю сумку со стиральными принадлежностями на подоконнике, указав свое имя и номер комнаты. Через полчаса я вернусь и переложу вещи в сушилку.

И знаете что? Рутинa прекрасно помогает отвлечься от плохих мыслей. Возвращаясь к себе, я по-прежнему безумно скучаю по отцу, и все же... тоска постепенно уступает место иному чувству, гораздо более приятному – восторгу. Стопроцентной, чистой, незамутненной, безграничной радости.

Вернувшись в комнату, я закрываю дверь, вскакиваю на ненавистный матрас, машу руками вверх-вниз и быстро-быстро бегу на месте.

ОФИГЕТЬ, РЕБЯТ!

Я В КОЛЛЕДЖЕ!!!

УИ-И-И-И-И-И-И-И!!!

МУА-ХА-ХА!!!

Поверить не могу, что это происходит на самом деле!

БОЖЕЧКИ-И-И-И-И-И!!!

Итак, любезный читатель, ты готов отправиться со мной в

приключение? Я на тысячу процентов способна надрать задницу всем драконам. Поскорей бы закончилась эта глава (в буквальном смысле) и началась новая (в метафорическом). Я уже почти готова. Почти. Только сначала надо слезть с кровати и принять презентабельный вид, потому что кто-то стучит в дверь.

Это может означать лишь одно.

Приехала моя соседка по комнате.

Пора воплотить в жизнь тщательно подготовленный план.

Глава 2

Не тут-то было.

Знаете, у меня ведь был настоящий план, как очаровать новую соседку по комнате. Моя младшая сестра назвала его «Проект “Дружба”»®. Мы трудились над ним все лето. Примерно за сто двадцать часов напряженной работы наш с Реми план прошел полный цикл от «совершенного убожества» до «безусловного совершенства с (неподтвержденной) гарантией успеха». Он даже содержал танцевальный номер, а в конце – идеально рассчитанный по времени дождь из конфетти. Вот только по плану моя соседка входила в комнату одна, а не в сопровождении многочисленного семейства.

Передо мной десяток людей разного возраста. Все они говорят одновременно, один громче другого и с сильным акцентом – то ли русским, то ли бостонским. Группа протискивается в дверной проем. У каждого в руках большая коробка, или сумка, или стеклянный контейнер с едой. Приходится вжаться в стену, иначе меня растопчут. Вытаращив от удивления глаза, я балансирую у кровати, но им хоть бы что. Я все еще не вижу свою будущую соседку: наверное, она где-то в центре толчеи.

– Нам точно в эту комнату? – спрашивает мужчина в летах. – Мы не ошиблись дверью?

– Люси, дорогая, тебе хватит еды? Кто-нибудь видел в сто-

ловой, есть ли у них в меню картошка?

– А где мебель и мини-холодильник? Ари, где икеевская мебель? Ты занес ее наверх?

– Она точно будет жить с девушкой? «Эллиот» не похоже на женское имя¹¹.

– А где парк? Я думал, окна выходят на Бостон-Коммон? Голосов слишком много, и мне удастся разобрать только эти фразы. Я все еще не шевелюсь у стены в надежде, что бледностью сольюсь с ней и останусь незамеченной. Но тут на меня обращает внимание женщина – на вид слишком молодая, чтобы быть матерью восемнадцатилетнего человека.

– Смотрите, а это кто? – Она указывает прямо на меня. – Ты Эллиот, новая соседка моей дочери?

Все оборачиваются и выжидательно на меня смотрят.

Я смотрю на них.

Они на меня.

Я на них.

Они на меня.

– Да?.. – говорю я.

– ЭЛЛИОТ! – кричат они хором и бросаются ко мне, сдвигая в огромном групповом объятии. Неразбериха из конечностей и голосов до ужаса напоминает нападение орды зомби, только на двадцать один процент менее кровопролит-

¹¹ Чтоб тебя.

ное¹². Пока не очень понятно, обнимают они меня или друг друга. Внезапно откуда-то из коридора доносится девчачий голос, перекрывающий все остальные.

– Так, все на выход! – командует она, и, к моему полнейшему удивлению, ее семья подчиняется. Ни один Макхью никогда не слушал другого, а нас только пятеро. Эта незнакомая мне девушка произнесла всего лишь одну фразу, и толпа повиновалась. Впечатляет... Родственники складывают вещи на матрас и строем покидают комнату, по очереди прощаясь с моей соседкой, которая по-прежнему остается за кадром.

– Пока, милая, – говорит один.

– Увидимся, малышка, – произносит другой.

– Не забудь, я положила табуле в холодильник, – беспокоится милая старушка, очевидно, ее бабушка.

– Я заскочу во вторник с твоими зимними вещами, – говорит в коридоре мама Люси. А потом...

До меня доносится покашливание и звук шагов, и наконец в комнату входит моя новая соседка, Люси Гарабедян. Теперь здесь только мы с ней и оглушительное неловкое молчание. Она хорошенькая, высокая и фигуристая, со светлой кожей, длинными шелковистыми каштановыми волосами и густой челкой до бровей. Из макияжа только тушь и матовая красная помада. Я смотрю на нее, улыбаюсь и жду, когда она сломает лед молчания. Однако девушка лишь улыбается в

¹² Опять же, за статистику не ручаюсь.

ответ и теревит кольца. Мой первоначальный план рухнул, едва ее семья ввалилась в дверь, и теперь я не знаю, что сказать. В панике начинаю импровизировать. Порывшись в куче дорожных снеков на кровати, хватаю коробку Cheez-It и протягиваю ей.

– Крекеры в обмен на дружбу? – спрашиваю я. И дернуло же меня начать знакомство именно так... но отступить уже слишком поздно.

– Что?..

Похоже, она в замешательстве. Я трясую коробкой и повторяю вопрос.

– Хочешь Cheez-It в обмен на дружбу?

Она опускает руки в карманы свободного кардигана, надетого поверх клетчатого платья, и прислоняется к дверному косяку.

– Пожалуй... – отвечает она нерешительно, а затем чуть увереннее добавляет: – Только сначала позволь узнать, каковы условия дружбы.

– Ты о чем?

– Ну, просто ты предложила мне дружбу без всяких пояснений. Я не могу заключать сделку, не зная, о каком уровне дружбы идет речь.

Я закидываю в рот крекер и обдумываю ответ.

– Хорошо, давай так. Можешь выбрать один из следующих уровней: 1) придержать дверь лифта, но не приставать с разговорами в кабине, 2) гулять в одних компаниях и нико-

гда вдвоем или 3) держать друг другу волосы во время тошнилова.

– И каков гарантийный срок дружбы? – тут же следует очередной вопрос. А девчонка не промах...

– Возможны варианты: только на первый семестр, на весь первый год или дружба с пожизненной гарантией.

Люси заправляет прядь волос за ухо, обдумывая предложение.

– Хорошо, – произносит она. – Выбираю уровень «Держать друг другу волосы во время тошнилова» с пожизненной гарантией. Имей в виду: если мы друзья, то назад дороги нет.

Я протягиваю ей коробку Cheez-It, которую та придирчиво разглядывает, изогнув одну из густых бровей. А затем сует руку внутрь и кладет в рот горсть соленых оранжевых квадратиков, навсегда скрепляя узы нашей дружбы. Я бегу к комоду, хватаю хлопушки, припрятанные для грандиозного финала моего плана, и торжественно взрываю их¹³.

Когда последняя порция конфетти оседает на пол, Люси поворачивается, чтобы уйти.

– Эй, ты куда? – окликаю я. – Я думала, мы теперь друзья.

– Так и есть, – говорит она, направляясь к двери. – Мне просто нужно забрать остальные вещи из коридора.

– ОСТАЛЬНЫЕ ВЕЩИ?! – Я оглядываю бесчисленные коробки, контейнеры с едой, чемоданы и предметы мебели,

¹³ Лучше всегда иметь при себе несколько штук. Мало ли, вдруг в жизни срочно подвернется повод для конфетти.

заяввшие почти все свободное пространство в нашей крошечной комнате. Рядом с «кирпичным» окном стоит большая шутовина на колесиках. – О, ты привезла с собой... чайный столик? – кричу я вслед.

– Ага! Подарок школьной подруги. – Люси возвращается в комнату и тащит за собой две огромные спортивные сумки с цветочным принтом. – Я горячая поклонница послеобеденного чая. Надеюсь, ты ко мне присоединишься.

– Надо же, твои родственники так быстро с тобой попрощались. – Я помогаю ей закинуть сумки на матрас. – Я-то думала, слезы будут литься рекой.

Люси только отмахивается и смеется.

– Мы живем в Уотертауне, недалеко от Бостона. Мама содержит мини-гостиницу примерно в пятнадцати минутах езды отсюда. Вся моя семья живет поблизости.

Уперев ухоженные руки в бедра, Люси переводит дыхание и оглядывает комнату во всем ее жалком великолепии. Смотреть особо не на что, но, похоже, ее это не беспокоит.

– Может, приведем комнату в порядок, чтобы стало уютнее? – спрашивает она.

– Давай, но предупреждаю: декоратор из меня никудышный. Я не большая аккуратистка по жизни. Скорее, лентяйка.

– Не заморачивайся, – фыркает Люси. – Беру все на себя! А ты будешь меня развлекать.

– С этим я справлюсь!

Я вызываюсь помочь хотя бы с распаковкой вещей – просто по доброте душевной и чтобы лучше познакомиться с новой соседкой. Весь следующий час мы расставляем мебель так и этак, убираем в шкаф бесконечный запас цветастых платьев и яркой одежды для йоги, водружаем на чайный столик пеструю коллекцию старинных кружек и рассыпного листового чая. Хотя правильнее сказать, что Люси одна занималась всем этим последний час. Я помогала минут пять, а потом отвлеклась на ее забавную коллекцию украшений. Теперь, обвешанная ими с ног до головы, я валяюсь на своей кровати и наблюдаю за Люси в ее естественной среде обитания. Поразительно, как у нее хватает терпения. Я наблюдаю, как соседка тщательно обустраивает свою половину комнаты: ставит каждый предмет на определенное место, перекладывает подушку сюда, вешает фотографию в рамке туда. Вносит крошечные, незначительные изменения, пока результат не придется ей по вкусу.

Люси рассказывает мне о своих десяти тысячах кузенов, теток и дядьев, живущих поблизости друг от друга, и о том, как она все лето работала в гостинице своей мамы и параллельно – официанткой в дядином ресторане.

А я рассказываю ей о своих сестрах. О том, что старшая, Иззи, или Золотой Ребенок, – заноза пятого уровня и учится на втором курсе медицинского факультета в Колумбийском университете в Нью-Йорке, а моей младшей сестре Реме двенадцать, и она хочет быть скачущим розовым пони,

когда вырастет. После краткого обзора семейных и личных историй разговор переходит к теме, которая, собственно, и привела нас сюда.

Колледж.

Образование.

Занятия.

УЧЕБА.

– Так какая у тебя специальность? – спрашивает Люси, когда мы приступаем к двум последним нераспечатанным коробкам. Я срываю ленту с одной из них и обнаруживаю, что она доверху заполнена спутанными проводами с крошечными электрическими лампочками.

– Э-м-м... еще не выбрала, – отвечаю я и жду комментариев об отсутствии у меня учебного рвения.

– Но ты хотя бы примерно представляешь, на кого хочешь учиться?

– Не-а. – Я переворачиваю коробку и вываливаю скрученную массу на пол.

– Не страшно. Ты быстро определишься, – успокаивает Люси, хотя в ее взгляде вовсе нет такой уверенности.

– Ну, а ты? – поскорее спрашиваю я, пытаюсь распутать клубок. – Какая у тебя специальность?

– У меня их две: связи с общественностью и маркетинг.

Я опускаю гирлянду и смотрю на Люси.

– Серьезно? Я еще и одну-то не выбрала, а ты уже замахнулась на две?! Ну ты даешь!

– Мне деваться некуда, потому что я взяла кучу кредитов для поступления. Посмотрим, долго ли продержусь, жонглируя сразу двумя специальностями.

– Значит, ты из тех, кто знает, чем будет заниматься всю оставшуюся жизнь?

– Нет, конечно. Смеешься? – говорит она, и я вздыхаю с облегчением. Но Люси добавляет: – А вот план на пятьдесят лет у меня есть: хочу развить мамин бизнес в сеть гостиниц по всей Новой Англии.

– Ого! Звучит... амбициозно, – говорю я, чувствуя себя слегка неполноценной. Хотя за много лет я научилась избавляться от этого чувства, просто не обращая на него внимания.

Мне удастся высвободить две нити гирлянды, и я передаю их Люси. Она подтаскивает свой стул и развешивает лампочки над окном. Жалкий вид из него мгновенно улучшается. Затем она слезает со стула и делает несколько шагов назад, оглядывая свою работу так, словно ее будут оценивать на экзамене по искусствоведению.

– Как, по-твоему, лампочек не слишком много? – спрашивает Люси¹⁴.

– Однажды я прочитала на крышечке Snapple, что электрических гирлянд много не бывает.

Сияя от радости, Люси хлопает в ладоши. Затем лезет под кровать, и словно, по волшебству, оттуда появляются еще

¹⁴ Ха-ха, типа я знаю, как принято украшать комнату в общежитии.

четыре коробки с лампочками. Она протягивает их мне.

– Может, эти растянем под потолком? Или уже перебор? Да, пожалуй, перебор...

Я останавливаю ее.

– Нет-нет, мне нравится. Будем спать будто в планетарии. Очень инстаграмно.

Люси недоверчиво смотрит на меня.

– Ты есть в «Инстаграме»? Я не смогла найти твой аккаунт.

– Э-э... Есть, только ничего не публикую. Я скрытная личность. – Я подмигиваю ей, и она корчит мне рожицу.

– Ужас! Ты вообще пользуешься хоть какими-то соцсетями?

– Нет, предпочитаю по-старинке излить жалобы в окно, а не в «Твиттер».

Вместе мы заканчиваем распутывать остальные гирлянды и ряд за рядом растягиваем под потолком хрупкие мерцающие шары. Завершив работу, отходим в угол комнаты и оцениваем результат.

Не знаю, как ей это удалось. Час назад помещение выглядело бюджетной версией комнаты страха, а теперь... Теперь это комната мечты. По крайней мере, на половине Люси. Потолок и стены искрятся и сверкают, все поверхности гармонируют между собой пастельными и кремовыми оттенками. На ее кровати больше подушек, чем у меня друзей, а на пышное одеяло с цветочным узором хочется упасть в замедлен-

ной съемке. Я достаю телефон и отправляю фото младшей сестренке.

Осмотрев свою половину комнаты, Люси оглядывается и хмуро взирает на мою кровать, где по-прежнему нет ничего, кроме матраса в синей клеенке.

– Где твоё постельное бельё? – спрашивает она.

Проклятье! Я вспоминаю, что оставила его в стирке больше часа назад.

– Я сейчас! – бросаю я и выскальзываю за дверь.

В заднем кармане у меня начинает вибрировать: звонит младшая сестра.

– Привет, Реми, ты как раз вовремя, я тут постирушку за-теяла, – говорю я в трубку, направляясь по длинному коридору в прачечную. Две вещи объединяют нас уже много лет: стирка и сестринские узы. – Ты получила мою фотку?

– О БОЖЕЧКИ! – кричит Реми так громко, что приходится держать телефон подальше от уха. – КОМНАТА – ОТПАД! – А затем, понизив децибелы, она добавляет: – У меня теперь куча идей насчет того, как переделать твою комнату дома.

– В смысле – «переделать»? Меня нет всего три дня. Куда ты убрала мои коллажи с Анджелиной Джоли?

– Не волнуйся, я отнесла их в подвал.

– Ты положила моего кумира рядом с кошачьим туалетом?

– Я видела в одном шоу на «Нетфликс», что нужно избав-

латься от вещей, если они не зажигают искры радости¹⁵, – сообщает Реми.

– Минуточку! – завожусь я. – Анджелина Джоли конца девяностых – начала двухтысячных еще как зажигает! Ты когда-нибудь видела ее в «Джиа»? Хотя нет, ты еще мала. Лучше посмотри «Расхитительницу гробниц» или «Малефисенту»¹⁶.

– Ты вообще смотришь фильмы из этого десятилетия? Знаешь, всех бесит, когда ты ссылаешься на старье. – Так и вижу ее в прачечной у нас дома: руки в боки, светлые кудри рассыпались по плечам. Она разносит меня, как может только двенадцатилетний подросток. – Что там за шум, чем ты занята?

– Извини. Пытаюсь попасть в прачечную, чтобы переложить белье в сушилку. Только сначала прорвусь через толпу заселяющихся. Сейчас тут гребаный бардак, – говорю я, обходя стороной человека, который записывает танец на телефон.

– Не ругайся, – делает замечание Реми. – Ты пользуешься своими новыми салфетками для сушики?

– Как раз собиралась. Я оставила все свои принадлежно-

¹⁵ В реалити-шоу «Искры радости» Мари Кондо консультант по организации пространства обучает методу уборки, приносящему радость. (*Прим. перев.*)

¹⁶ Однажды я залезла в родительский аккаунт HBO Go, чтобы посмотреть «Джиа», и тогда впервые поняла, что могу испытывать сильное влечение к женщинам. Поэтому можно сказать, что Анджелина зажигает искры... в трусиках. (Пардон, не могу удержаться от пошлых шуток.)

сти в прачечной.

– Ты не боишься, что кто-то возьмет твои вещи? – спрашивает Реми.

– Нет, я написала свое имя и номер комнаты, чтобы люди знали. – Мое гениальное решение не встречает поддержки, и я начинаю беспокоиться. – А что? Не надо было оставлять там вещи? Думаешь, их украдут?

– Мне-то откуда знать?! Я еще учусь в средней школе!

Я ускоряю шаг. Реми заставила меня нервничать. Дойдя до прачечной, резко останавливаюсь и заглядываю внутрь через стеклянное окошко в двери.

– Твою мать!

– Не ругайся! – повторяет Реми, но я ее не слушаю.

– Реми, мне нужно идти. – Стараюсь, чтобы голос звучал нормально. – Поговорим на следующей неделе?

– Что? Почему? Что случилось? – Вопросы следуют один за другим. Она прекрасно уловила мой изменившийся тон. Врать нет смысла: ее не обманешь.

– Ты была права. Здесь какая-то девица, – шепчу я в трубку. – И она пользуется моим порошком.

– Так иди и хорошенько задай ей, Эллиот! Ты должна полностью...

Не дослушав окончания фразы, я вешаю трубку и открываю дверь. Легким покашливанием пробую привлечь внимание. Кем бы ни была эта особа, для прачечной она одета весьма экстравагантно: сверху что-то вроде длинного полу-

прозрачного кимоно с цветочным принтом, под ним – белый комбинезон, а на ногах – черные армейские ботинки на четырехдюймовом каблуке.

– Эй! Это мой порошок, – безапелляционно заявляю я в спину воришке. Та не оборачивается. Я машу руками, пытаюсь привлечь ее внимание. – Прошу прощения! Ау! Я с тобой разговариваю! Порошок, которым ты пользуешься, мой. Его нельзя брать.

– Можно, ведь он стоял в общественном месте, – бросает она через плечо.

Проклятье, да кем она себя возомнила?

В обычных обстоятельствах я расслаблена и спокойна, но мгновенно достигаю точки кипения, если сталкиваюсь с неприкрытой грубостью. Я скрещиваю руки на груди, задираю подбородок и бросаюсь в атаку.

– Эй... овца. Мой порошок – не общественный, ясно? Я написала свое имя и номер комнаты прямо на коробке, видишь?

– А, так ты первокурсница, – вздыхает она, поворачивается и... Я влипла. Ее лицо... прекрасно. Его худобу и угловатость смягчают длинные пышные локоны и короткая растрепанная челка. На загорелом носу и щеках небольшая россыпь веснушек, а от взгляда ярко-зеленых глаз у меня замирает сердце. Оробев, я безотчетно провожу рукой по своим жирным, немытым волосам. Я только что выкрикнула оскорбление в прекрасное лицо этой женщины...

Незнакомка скрещивает руки на груди и напускается на меня.

– Объясняю один раз: оставленные вещи становятся общественным достоянием, даже если на них твое имя. Всем плевать. Если ты оставила ноутбук в общей комнате и отошла в туалет, а, вернувшись, не обнаружила его на месте, – сама виновата.

Я хочу крикнуть ей, что никому не позволю красть у меня стиральный порошок – качественный и дорогой, между прочим, – да только ее восхитительное лицо мешает мне поддерживать нужный градус гнева. Поэтому я стою столбом и перебираю в уме возможные возражения, которые поставили бы ее на место, а заодно продемонстрировали мой ум и находчивость.

– Да пошла ты, – наконец говорю я.

Согласна, не самый лучший вариант. Но сделайте скидку на то, что это мой первый день в колледже, а она полностью меня обезоружила. Всему виной ее лицо, и волосы, и скулы, и злополучные манящие губы. Черт... Вот бы прижаться к ним своими губами...

Девушка отворачивается к стиральной машине и прикладывает свою студенческую карточку.

– Не благодари, – бросает через плечо она, и я тут же снова завожусь.

– Не благодарить?! Может, я еще спасибо тебе сказать должна за то, что ты меня обокрала?!

Она складывает руки на груди и смотрит сверху вниз – не в смысле снисхождения (хотя, может, и в этом), а буквально, потому что на пару дюймов выше меня.

– Ты сейчас получила ценный урок о жизни в общежитии. Большинство первокурсников проходят его только во втором семестре. Так что да – не благодари.

Ну все, сейчас эта самодовольная стерва получит.

Какое там: едва я открываю рот, чтобы оскорбить ее, мерзавка улыбается... Перед такой улыбкой невозможно устоять, и по всему телу бегут мурашки¹⁷. Я не шевелюсь. Запрещаю себе вестись на провокацию. Я знаю: если попытаюсь сказать какую-то гадость, с вероятностью девяти на десять процентов мой рот предаст меня, и я начну к ней клеиться. Поэтому пытаюсь выразить всю силу ненависти одним взглядом. Так мы стоим в прачечной, уставившись друг на друга, пока сигнал сушилки не разряжает напряжение. Девушка поднимает с пола пустую сумку для белья и с улыбкой на губах проходит мимо меня к двери.

Вернувшись в комнату, рассказываю Люси о стычке.

– И как у нее наглости хватило?! – восклицает Люси, аккуратно раскладывая разноцветные пакетики чая на цвета-

¹⁷ Под мурашками я подразумеваю возбуждение, любовный пыл, страстное желание. Мы, Макхью, даже используем особый термин – «Мурашки у пташки». Реми придумала эту фразу в восемь лет. Однажды мы с Иззи спустились в подвал, где сестра в обнимку с подушкой смотрела какое-то шоу по телевизору. «Всякий раз, когда целуются эти пташки, у меня бегут мурашки», – сказала она. В тот момент и родилась легенда.

стую антикварную тарелку, а затем ставит ее на свой чайный столик. В дружбе мне нравится то, как друзья негодуют вместе с тобой из-за любого пустяка, даже если втайне думают, что ты слишком остро реагируешь. Здорово, что мы с Люси уже находимся на этой стадии дружбы.

– Да уж. Зато теперь мы знаем, что нельзя оставлять стиральный порошок в прачечной, – признаю я. Мой зад снова сигнализирует о сообщении от Реми.

Реми: Ты забрала свой порошок?

Эллиот: Еще бы!

Реми: Круто! мне нужно сходить с мамой в магазин за вещами к школе. поговорим на выходных?

Эллиот: Жду с нетерпением!

Реми: Скучаю по тебе, дылда!

Эллиот: И я по тебе, малявка.

Тоска по дому пронзает мне сердце, когда я смотрю на последнее сообщение Реми. Конечно, я скучаю по родителям, но это родители, и они порой допекают. Другое дело – младшие сестры... Разве можно по ним не скучать?

Люси осторожно подходит и садится рядом на кровать.

– Все хорошо? – спрашивает она ласково и участливо.

Я демонстрирую по-идиотски широкую улыбку:

– Да, отлично, просто замечательно.

– Знаю, мы едва познакомились, и все-таки очень хочу те-

бя обнять, – говорит Люси и пригласительным жестом широко раскрывает объятия. – Конечно, если ты не против, – добавляет она.

Обычно я не обнимаюсь с незнакомцами, но свою соседку я знаю уже два часа, и мы вместе ели крекеры дружбы, так что формально мы больше не чужие. Я киваю, позволяя Люси обнять меня, и оказываюсь в самых теплых объятиях за всю свою жизнь. Должно быть, похожие ощущения испытываешь, окунаясь в шоколадную ванну. Или обхватив облако. Я и не представляла, что объятия могут быть настолько приятными¹⁸.

– Ух ты, – произношу я в пахнувшие медом волосы Люси. – Мы перескочили стадию «узнать друг друга получше» и перешли сразу к «видеть меня в слезах».

Люси отпускает меня, и я уже скучаю по ее теплым объятиям. Я обмахиваю лицо и привожу себя в порядок.

– Где ты научилась так обниматься? Это были обнимашки восьмидесятого уровня.

– У меня шесть тетушек и двадцать два кузена, и все до единого любят обниматься, совать нос в чужие дела и нару-

¹⁸ Дело в том, что в моей семье почти никто не умеет обниматься, за исключением папы. Как будто у нас на это аллергия. Отбить пятерню, похлопать по плечу или спине, одарить многозначительным взглядом или едва заметным кивком – пожалуйста, но обниматься... Нет, к объятиям мы генетически не предрасположены. Я с детства к ним равнодушна. Не припомню, чтобы мы с Иззи когда-либо обнимались. Поэтому я рада обнаружить, что моя соседка – лучшая в мире обнимательница.

шать личные границы. Мы собираемся по воскресеньям на семейные ужины.

– Могу ли я тоже рассчитывать на приглашение теперь, когда мы родственные души?

Люси смеется и качает головой.

– Имей в виду, что окажешься среди двух десятков любопытных армян. Тетушки насильно станут пичкать тебя борщом, горячо верующий дядя Стэн попытается процитировать Священное Писание, а бабушка будет тыкать в ребра и говорить, что ты слишком худая. Да, и младшие замучают тебя, пока ты не согласишься посмотреть, как они два часа играют в видеоигры.

– Люси. – Я беру ее мягкую ладонь в свою. – Возможно, это прозвучит излишне пафосно и чересчур интимно, но я никогда не откажусь поест на халяву.

Я делаю глубокий вдох и чувствую себя уже лучше. Несмотря на выплаканную сегодня годовую норму слез, я в полном порядке. Мне хорошо.

– Чем займемся теперь? – спрашивает Люси.

В ту же секунду мое лицо загорается одной идеей.

– Давай пошпионим за нашими соседями?

Она смотрит на меня и усмехается:

– А давай.

Знаете, может, я тороплюсь с выводами, только, по-моему, уже пора с уверенностью признать: у меня самая классная соседка на свете.

Глава 3

– Ну что, готово? – спрашиваю я, пока Люси делает последние штрихи на маленькой маркерной доске: мы собираемся повесить ее снаружи на дверь. – Надеюсь, ты написала что-то в духе «Привет с того света» или «В эфире: бесплатные объятия и чай».

– Я выбрала «Заходи в нашу тихую гавань».

Она переворачивает доску и демонстрирует свою работу. Что ж, если с маркетингом и пиаром не выгорит, у Люси будет отличный запасной вариант – карьера каллиграфа/иллюстратора. Тщательно выписанные слова дополнены чудесным рисунком: остров с пальмами, песчаным пляжем и сверкающим голубым океаном. Почти совершенство.

– Нарисуй еще плавник акулы в воде и крови чуток вокруг, – говорю я, возвращая доску. Она смеется над моим предложением и через тридцать секунд претворяет его в жизнь.

– Вот. – Люси вешает свое произведение искусства на дверь для всеобщего обозрения. – Теперь можем идти.

Она пинает цветастый дверной стопор – который, конечно же, догадалась взять с собой, – и присоединяется ко мне. Не успеваем мы сделать и двух шагов до соседней комнаты, как на другом конце коридора раздается усиленный мегафоном женский голос:

– ПРЯМО СЕЙЧАС В ОБЩЕЙ КОМНАТЕ СОСТОИТСЯ ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ ТРЕТЬЕГО ЭТАЖА!

Люси и я замираем, окружающие тоже застыли. Впервые на этаже воцаряется мертвая тишина... Затем мегафон вновь подает голос:

– ВСЕМ ПОНЯТНО «ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ», ИЛИ КАК?

Мы с Люси пожимаем плечами, меняем планы и направляемся к источнику звука, то есть в общую комнату¹⁹.

Мы устраиваемся на одном из кожаных диванов, и, по мере того как собираются жильцы третьего этажа, я изучаю лица новых соседей. Я уже насчитала минимум четверых, нет, пятерых, с кем хотела бы переспать. Как раз собираюсь сообщить о них Люси, когда входит староста нашего этажа и...
чтоб тебя.

Черт.

Зараза.

Черт.

Черт.

Я съезживаюсь на диване и прячусь за Люси в безуспешной попытке остаться незамеченной. Наша староста – та самая девушка, которая украла у меня порошок. В ее власти превратить мою жизнь в сущий ад, а я только что – не далее как полчаса назад – обозвала ее в глаза овцой!

¹⁹ На случай, если вам нужны подробности интерьера: на третьем этаже имеется кухня и две общие комнаты по типу гостиных, с письменными столами и диванами. В кухню можно также спуститься с четвертого этажа по небольшой лестнице. Выглядит довольно круто.

Ну, отлично.

Просто великолепно.

С ума сойти, как круто.

Учитывая опыт предыдущей встречи, я жду, что она будет кричать или говорить с нами, ничтожными первокурсниками, свысока. Но, встав перед собравшимися, первым делом она подбрасывает в воздух кучу леденцов. Сначала никто не двигается. Потом какой-то парень на галерке ныряет за конфетой, и внезапно возникает давка, будто охота идет за сто-долларовыми купюрами.

Пользуясь суматохой, я шепчу Люси:

– Это она. Та девушка из прачечной.

Люси косится на нашу старосту, затем смотрит на меня, и в ее расширившихся глазах я читаю: «Ну ты и влипла». «Вспоминай обо мне, когда я умру», – посылаю ответный взгляд.

– Так-то лучше. Может, вы хоть теперь помолчите, – говорит девушка после того, как все снова усаживаются. – Меня зовут Роуз Найтли, и я староста третьего этажа. Послушайте минутку, я должна зачитать кое-какую информацию.

Она держит в руке несколько листков и читает с них ску-чающим, раздраженным тоном:

– Приветствую новых студентов. Неделя профессиональ-ной ориентации предназначена для того, чтобы вы могли окунуться в жизнь Эмерсона. Она знаменует начало большо-го и незабываемого путешествия. Вы познакомитесь с пре-

подавателями, которые станут для вас примером, заведете верных друзей и получите бесценные воспоминания на всю жизнь. Накопленный опыт даст бла-бла-бла, туфта, туфта, туфта, и – снято!

Роуз комкает бумагу и бросает через плечо. Она прислоняется спиной к стене и засовывает руки в глубокие карманы белого комбинезона.

– В общем, ура, вы здесь, победа. Йу-ху!

– Йу-ху! – отзывается парень с задних рядов, и все нервно хихикают.

Роуз добавляет:

– Эта неделя очень важна и дается вам для того, чтобы осмотреться, познакомиться со своим куратором, вступить в клубы, выбрать курсы и все такое. Не буду вдаваться в подробности, они есть в ваших профориентационных буклетах. Уверена, вы все уже их прочитали.

Я наклоняюсь и шепчу Люси на ухо:

– Что еще за профориентационный буклет?

Люси шикает на меня, не сводя глаз с Роуз.

– Лучше расскажу о насущном и поделюсь нюансами, которые сама хотела бы знать в прошлом году, – продолжает Роуз.

Я оглядываю комнату и замечаю, что все примолкли и внимают старосте. Совсем не так, как в старших классах, когда ученики постоянно перебивали учителей. Либо мы эволюционировали и повзрослели за лето, либо (что более ве-

роятно) просто очень боимся привлечь к себе внимание.

Роуз вытаскивает руки из карманов и принимается ходить по комнате, словно выступает на TED.

– Вот единственная по-настоящему важная информация, которую нужно знать: здравпункт находится через дорогу, в корпусе возле ирландского бара, на третьем этаже. У них есть бесплатные презервативы, противозачаточные средства и почти все безрецептурные лекарства, какие могут понадобиться. Не забывайте об этом. Если здравпункт закрыт, а вам нужна неотложная помощь, пожалуйста, приходите ко мне или пишите. Также обращайтесь в чрезвычайных ситуациях, не связанных со здоровьем. Хотя я вам и не нянька, моя дверь открыта по любому поводу в любое время. Я живу в конце коридора.

Она указывает в направлении своей комнаты, и мы дружно поворачиваем головы, как сурикаты.

Роуз продолжает:

– Если увижу вас на этаже с выпивкой или наркотиками, то обязана буду сообщить куда следует. И сообщу. Но, пожалуйста, пусть страх наказания не мешает вам обращаться ко мне за помощью в случае чего. Хорошо, теперь перейдем к менее важным вопросам.

Она замолкает, поднимает с пола невостребованный леденец, разворачивает и кладет в рот, затем продолжает:

– Не забывайте надевать шлепанцы в душевую, потому что... в общем, скоро сами увидите. Обзаведитесь науш-

никами с шумоподавлением. Не утруждайте себя покупкой учебников – в библиотеке есть все необходимое. Пускай я говорю, как ваша мама, но прошу не забывать о здоровой пище. Наличие буфета с сухими завтраками не означает, что вы должны питаться ими трижды в день.

А вот это уже интересно.

– Здесь есть буфет с сухими завтраками?! – шепчу я Люси²⁰. Та снова шикает на меня, на этот раз чуть более агрессивно. Роуз улавливает мой шепот, пускает лучи смерти из глаз, и я умолкаю.

– И последнее объявление, – продолжает она. – Если до меня дойдет хотя бы слух о том, что кого-то изводят, я вмешаюсь, и виновник сильно пожалеет. Поэтому давайте будем вести себя, как положено взрослым людям, и относиться друг к другу уважительно, договорились?

Роуз оглядывает присутствующих, никого не упуская из виду. От нее будто искры летят. Ее способность контролировать аудиторию впечатляет и пугает: я впервые в жизни ни на что не отвлекаюсь.

– Хорошо. На этом все, можете расходиться, – произносит Роуз в гробовой тишине.

Напряжение спадает, комнату наполняет оживленная болтовня. Все начинают знакомиться и обнюхиваться. Люси просит прощения и выскакивает в туалет. Я уже собираюсь

²⁰ Скоро я выясню, что кроме буфета с сухими завтраками здесь есть – только представьте! – раздача с вафлями. Обожаю колледж!

заговорить с красоткой, у которой на голове ирокез, когда худая темная рука берет под локоть мою белую.

– Разве она не шикарна? – спрашивает невысокий симпатичный парень так, словно мы не секунду назад встретились, а знакомы сто лет. На нем темно-серый шерстяной свитер и облегающие вельветовые брюки. Щетина на лице и волосы тщательно ухожены. Во всем чувствуется безупречный стиль.

– Кто? – спрашиваю я, оглядывая комнату. Его непринужденная манера общения подкупает, поэтому я решаю подыграть.

– Роуз, наша староста. – Он говорит так, будто объясняет очевидное. – Я слышал, она учится на художника по костюмам. Второкурсница, а за ней уже гоняются серьезные голливудские продюсеры!

– Ты-то откуда знаешь? Мы здесь всего несколько часов. Он останавливается и бросает на меня лукавый взгляд.

– Знать такие вещи – моя работа.

Мы идем по коридору дальше, лавируя в людском потоке, но замедляем шаг у одной из комнат с открытой дверью.

– Видишь вон ту лапочку? – Он показывает на первокурсниц внутри.

– Которую? Они обе лапочки.

Я наблюдаю, как в комнате две девушки перебирают и расставляют целую гору книг. От моего внимания не ускользает и большой чудесный эркер, из которого открывается вид на

Бостон-Коммон, а не на кирпичную стену и переулок²¹.

– Брюнетка слева – Обри, учится на режиссера-постановщика. Но я говорил о рыжеволосой справа. Это Саша, своего рода знаменитость в соцсетях: больше полумиллиона подписчиков. Советую немедленно с ней подружиться. – Он круто разворачивает меня и кивает высоченному белому парню, сидящему за столом в комнате напротив. – Вон тот долговязый, по которому стилист плачет, – Марсель. У него отец – крутой голливудский продюсер, и поэтому Марсель считает себя лучше других. Держу пари, он попросит каждую симпатичную девчонку на этаже сняться в каком-нибудь своем «студенческом кинопроекте». Считай, что я тебя предупредил.

Мысленно делаю пометку избегать этой комнаты, а мой загадочный спутник тем временем указывает уже в другую сторону.

– Здесь живут Мэгги и Меган. Обе изучают музыкально-театральное искусство, так что если услышишь пение в два часа ночи – наверняка это одна из них. За травкой обращайся к Фокси из вон той комнаты. А через коридор от нее – Элисса, Элли и Ребекка, у них найдешь логин для любой стриминговой платформы. И еще: по слухам, завтра прибывает группа второкурсников из футбольной команды. Информация неподтвержденная, но держим кулачки.

Понятия не имею, кто этот парень, однако сплетни он со-

²¹ Ах, Эллиот Макхью, имя тебе – зависть.

бирает виртуозно.

– Ты как раздел с интересными фактами на IMDb, – говорю я.

– Мика Далглиш, будущий журналист. – Он отпускает мой локоть и протягивает мне руку.

Я крепко жму ее.

– Эллиот Макхью, неопределившаяся.

Чуть отклонившись назад, он придирчиво оглядывает меня с головы до ног.

– Seriously? Я был абсолютно уверен, что ты на актерском.

– Вот еще! Я намерена зарабатывать, – парирую я, и Мика смеется.

– Ну, с дипломом неопределившейся мигом разбогатеешь.

Я тоже окидываю его оценивающим взглядом.

– А ты мне нравишься.

– Взаимно, – отвечает он и снова берет меня под руку. Мы шагаем дальше и наконец подходим к двери моей комнаты.

– Здесь живу я. А ты случайно не знаешь, кто напротив, в триста десятой?

– Как ни странно, нет. Давай выясним? – говорит Мика.

На его стук дверь моих соседей распахивается, и мы оказываемся лицом к лицу с двумя ходячими баллончиками дезодоранта Ахе.

– Да-арова, – выдают они хором.

Парни будто вышли из рекламы загородных клубов и стильных мокасин. Дверной проем рядом с ними выглядит карликовым. Конечно, я пересекалась с такими типами в старшей школе, а моя сестра Иззи даже встречалась с одним. Но я и представить не могла, что увижу их здесь, да еще и буду жить по соседству.

Видите ли, Эмерсон из тех учебных заведений, где группы пижонистых, претенциозных студентов собираются перед общежитиями, чтобы беспрерывно курить Lucky Strike и сравнивать ленты – именно ленты, а не фильмы – Дэвида Линча. Эмерсон привлекает творческих отщепенцев, а не этих мускулистых существ. Я всегда считала, что они живут исключительно стаями или табунами в общежитиях студенческих братств и появляются лишь на вечеринках или спортивных сборищах. И вот – подумать только! – у меня в соседях настоящие белые бро: живые, говорящие, фанатеющие от футбола, в рубашках с поднятым воротничком и шортах карго.

Мы с Микой устали на них, проглотив языки от изумления. Мика толкает меня локтем, и я первой подаю голос.

– Привет!

– Да-арова, – опять раздается в унисон.

Мика протягивает руку, но вместо рукопожатия получает хлопок по ладони.

– Я Мика. Мои местоимения – «он» или «они», как вам удобнее. А это Эллиот, ваша соседка из комнаты напротив. –

Затем, обращаясь ко мне: – Извини, не спросил о твоих местоимениях.

– Не переживай, все верно: «она»/«ее».

– Будем знакомы, Элли, – говорит один из здоровяков, коверкая мое имя. – Я Брэд.

– Я тоже Брэд, – представляется другой. – Только моя фамилия Мартин, а его – Уинтроп.

– Погодите-ка, вас обоих зовут Брэд?

Они кивают, улыбаются и отбивают пятерню, как будто одинаковое имя – предел мечтаний. Я с энтузиазмом поднимаю два больших пальца.

– Вот везуха, ребят. Супер.

Едва сдерживая смех, Мика подталкивает меня в бок, и мы потихоньку сдаем назад.

– Что ж, приятно было познакомиться, джентльмены, – говорит Мика.

– Увидимся, – отвечает один из них – не помню который. Они закрывают дверь и возвращаются к своим делам: удалению волос или поеданию брогурта, или чем еще они там занимались.

– Непременно добавлю их в свой отчет, – усмехается Мика, вытаскивает телефон и начинает строчить заметки.

– Какой отчет?

– Планирую еженедельно выпускать краткий обзор происходящего на этаже. Будь добра, держи меня в курсе событий на случай, если я что-нибудь упущу.

– Получается, твой трехэтажный отчет – аналог TMZ?²²

– Не смей сравнивать меня с TMZ! Хотя название мне нравится – «Трехэтажный отчет»... Украду его. – Он набирает заголовок в телефоне. – Чем-то похожим я занимался в старших классах, поэтому и выбрал такую специальность. Надеюсь добиться в ней большего успеха, чем в вещательной журналистике.

Кто-то похлопывает меня по плечу, и я отпрыгиваю в сторону, чтобы не загораживать проход. Обернувшись, вижу Роуз. В ее взгляде читается «можно тебя на пару слов?». Я бросаюсь за спасением к Мике, но тот быстрым шагом удаляется прочь, закинув руку на плечо какой-то другой девушки. Приходится вновь переключиться на нашу старосту.

– Лампочки придется снять, – резко говорит Роуз.

– Какие лампочки? – невинно спрашиваю я.

– Десять тысяч гирлянд, которые вы развесили по всей комнате.

– Откуда ты вообще узнала?

Она заглядывает в комнату мне через плечо. Ну, конечно! Все это время я торчала перед собственной открытой дверью! Проклятье... Может, если я буду поласковее и слегка похлопаю ресницами, она станет сговорчивее? Пожалуй, стоит попробовать.

– Это обязательно? Моя соседка Люси от них просто без

²² TMZ – популярный онлайн-таблоид, созданный в 2005 году и специализирующийся на новостях о знаменитостях. (Прим. перев.)

ума. Она крайне нуждается в уютной обстановке.

– Увы, – невозмутимо отвечает Роуз. – Это пожароопасно.

– А если мы снимем те, что на потолке?

– Снимайте все.

– А как насчет потолочных и тех над окном?

– Нет.

Зараза. С этой женщиной невозможно вести переговоры.

– Хорошо. Можно оставить хотя бы одну гирлянду над кроватью Люси? Ну, пожалуйста! Она так обрадуется.

Роуз пристально смотрит на меня, открывает рот, снова закрывает.

– Нет, – говорит она наконец. Ее терпение явно на исходе. – Как тебя зовут?

– Макхью. Эллиот Макхью.

Еще один убийственный взгляд.

– Строишь из себя Бонда, Джеймса Бонда?

Я выдерживаю паузу.

– Ага.

– Раз уж ты здесь, Макхью, Эллиот Макхью... Ты единственная на этаже до сих пор не определилась со специальностью, и я хочу обсудить выбранные тобой курсы.

– Это обязательно? – Я пытаюсь умаслить ее своим тоном, однако уловка не прокатывает.

– Да, – твердо отвечает Роуз. – Конечно, ты могла бы поговорить с научным руководителем, но по опыту прошлого года скажу, что он тот еще балабол. Я тебя надолго не задер-

жу, дай только взглянуть на твой список.

Прошу прощения, здесь требуются кое-какие пояснения

Я знала, что статус неопределившейся сделает меня белой вороной, но не видела в этом большой беды. И вот, не успела я пробыть в колледже и трех часов, как уже третий заговаривает со мной на эту тему. Дело в том, что большинство первокурсников, приезжающих в Эмерсон, четко знают, какую специальность хотят получить, какие курсы выбрать, какую карьеру построить в Большом Мире после колледжа. У них есть мечты, цели и другие синонимы амбиций. Короче говоря, они знают, кем хотят быть, когда вырастут. Я не из их числа. Меня можно записать в категорию типичных середнячков. В старшей школе я училась нормально, но не более того. Звезд с неба не хватала, получала в основном четверки, порой пятерки, а иногда и тройки. Хотя не была всеобщей любимицей, к маргиналам тоже не относилась. Занималась в драмкружке и хоре и тусовалась с людьми из драмкружка и хора.

Возможно, вы спросите: «Если ты не решила, чем хочешь заниматься, почему тогда поступила в дорогой частный вуз, а не в крупный государственный?» Если так, поздравляю! У вас с моей мамой есть что-то общее! Поэтому приведу вам те же аргументы:

Я люблю поп-культуру. Точка.

Да шучу я! Вот мой ответ: я люблю поп-культуру, книги, фильмы, телевидение и так далее. И хочу заниматься чем-то подобным. Увы, этим все ограничивается. У меня был выбор: громадина вроде Университета штата Огайо, где я бы в конечном счете затерялась, или же небольшой частный вуз, где полно творческих чудиков с такими связями в Голливуде, что сообщество выпускников в прямом смысле называют мафией. Когда я получила письмо о приеме в Эмерсон, то обрадовалась возможности стать одной из этих чудиков.

Теперь что касается занятий... Не волнуйся, дорогой читатель. Возможно, я и не в состоянии спланировать свою жизнь на четыре года вперед, как Люси и Мика, зато на четыре месяца – легко. И вот что я решила. Для получения диплома в Эмерсоне необходимо набрать определенную сумму баллов по своей специальности плюс баллы по общей программе. И раз уж на данный момент моя специальность сводится к `_(#)_/`, «План Эллиот Макхью по достижению академической успеваемости на первом курсе» состоит в следующем: отказаться от занятий по конкретной специальности и заменить их ударной дозой общеобразовательных курсов.

В теории – просто. Однако мне все равно предстояло выбрать несколько курсов, а их перечень в Эмерсоне такой длинный, что больше напоминает меню в Cheesecake Factory. Ты точно хочешь именно эту пиццу? Уверена? Кто-нибудь вообще читал описания всех девяти глэмбургеров на

двенадцатой странице? Но знаете что? Я смогла. Я внимательнейшим образом изучила все варианты и заявляю без ложной скромности: в этом семестре у меня крышесносные занятия. Итак, любезный читатель, пожалуйста, удели минутку внимания самым странным курсам, какие только можно выбрать для «получения образования».

ИДЕАЛЬНОЕ РАСПИСАНИЕ ЭЛЛИОТ МАКХЬЮ НА ОСЕННИЙ СЕМЕСТР

Философия (205): «Квир-сны»

Междисциплинарный курс (146): «Создание монстров»

Естественные науки (114): «Растения и люди»

История (115): «Культура бурлеска»

Шикарная подборка, правда? Я очень горжусь своим выбором – к слову, довольно консервативным, ведь я могла (и хотела) записаться на «Литературу экстремальных ситуаций» или «Деконструкцию «Легенды о Корре». Меня можно только похвалить за то, что я проявила здравомыслие и не записалась на совсем уж бредовые курсы.

Увы, моя нынешняя собеседница, похоже, не разделяет этого мнения. Она взяла у меня телефон и теперь просматривает мой список.

– Во-первых, каждый первокурсник должен пройти в

осеннем семестре «Основы речевой коммуникации», поэтому один из этих сразу отпадает, – говорит она, уставившись в экран.

– Гадство.

Роуз снова смахивает пальцем.

– «Культура бурлеска»?

– Соответствует обязательному минимуму по истории.

– А тот, что с растениями?

– Наука, само собой. Насчет «Создания монстров» я не совсем уверена. Надеюсь, туда входит лепка из пластилина.

Роуз вздыхает и переступает с ноги на ногу. Она возвращает телефон, и между нами повисает долгое молчание, означающее одно из двух: либо Роуз согласна с моим планом, либо я сейчас получу непрошенный совет от едва знакомого человека.

– Эллиот... – говорит Роуз.

– Что, Роуз? – спрашиваю я медоточивым, невинным голосом, только чтобы позлить ее.

– Тебе лучше пересмотреть список курсов. – Она одаривает меня снисходительным взглядом.

– Почему? Я много думала над этой учебной программой. Выбирала предметы очень тщательно и взвешенно.

– Ты взяла простейшие курсы, за которые легко получить высший балл, вот и все.

– Не-а, неправда²³. Описание «Растений и людей» впечат-

²³ Разумеется, это абсолютная, стопроцентная правда.

ляет своей научностью²⁴.

Роуз качает головой.

– Эллиот...

– Роуз...

– Можно дать тебе совет? – Ну-у, понеслось... Не понимаю, почему люди спрашивают разрешения дать совет, если все равно его дадут. – Относись к этим вещам серьезно.

Я выпрямляюсь и задействую интонацию и жесты, которые обычно помогают мне выкрутиться во время неприятных разговоров с мамой.

– А может, я выбрала чуть более легкие курсы, потому что еще эмоционально не готова справиться с серьезной учебной нагрузкой? Может, мне тяжело дался переход к студенческой жизни, и чтобы мой средний балл не пострадал, я планирую в течение семестра привыкнуть к новой обстановке и настроиться на реальную учебу, которая ждет впереди?

– По-моему, это полная чушь, – тут же заявляет Роуз. Я откидываю голову назад и стону. Она тем временем продолжает: – Слушай, Эллиот, тебе все равно придется сменить один из этих курсов на занятия по развитию речи для первокурсников. И настоятельно рекомендую заодно отказаться еще от какого-нибудь, – повторяет Роуз.

– Ладно. Уговорила. Я подумаю.

²⁴ На самом деле – нет. Если серьезно, там говорится: «Мы научим вас, как не угробить комнатные растения». Господи, обожаю колледж!

– Ну и? Ты согласна поменять один из своих общих курсов на обязательный? – спрашивает Люси во время нашего первого совместного ужина.

В Эмерсоне действует кампусная карта. Ее нужно отметить при входе в столовую, но как только зашел, все – ешь сколько влезет, пока тебя не выгонят в девять часов вечера²⁵. Столовая работает по принципу шведского стола с несколькими раздачами, которые меняются в течение дня. Неизменны только буфет с сухими завтраками и раздача с вафлями.

Мы сидим в кабинке в дальнем углу, откуда открывается вид на Тремонт и Бойлстон-стрит. Люси взяла салат «Цезарь» с обжаренным тофу и маленькую порцию томатного супа. Передо мной большая миска хлопьев Cinnamon Toast Crunch²⁶.

– Знаешь, – говорю я, уминая хлопья, – если подумать... При теперешнем подходе у меня будет шанс попробовать все, что предлагает это прекрасное заведение. В первый год я испытаю себя на разных факультетах, познакомлюсь с преподавателями и лучше пойму учебную программу. Прощу-

²⁵ #Аллилуйя.

²⁶ Раз уж речь зашла о сухих завтраках, вот мои фавориты: 1) Cinnamon Toast Crunch, 2) Frosted Flakes, 3) Froot Loops, 4) Cocoa Puffs, 5) Honey Nut Cheerios. Возражения не принимаются.

паю почву, так сказать. Изучу свои возможности и уже осознанно решу, какую специальность выбрать.

– То есть – «нет»?

– Именно. Хотя вместо «Культуры бурлеска» я взяла «Любовь и эротику в культуре Запада». Слышала, там будут показывать много фильмов.

Люси поднимает взгляд от салата, и я одариваю ее широкой глупой улыбкой. Однако она не ведется на уловку. Взгляд ее серьезен: так люди, у которых все под контролем, смотрят на тех, у кого в жизни полный бардак. Я должна что-то сказать, как-нибудь успокоить ее, причем быстро, иначе мы окажемся по разные стороны баррикад.

– Ладно, хорошо, – говорю я и отставляю хлопья. Пусть она знает: мне не до шуток. Люси кладет руки на стол и слушает. – Я хочу найти занятие в сфере развлечений, хотя еще не знаю, какое именно. На первый взгляд эти курсы достаточно интересные, чтобы надолго удержать мое внимание, что не так-то просто. Глядишь, еще и научусь чему-нибудь... Мне бы твою уверенность в выборе профессии! Как я могу решить, чем хочу заниматься в будущем, если я из дома-то уехала в первый раз? Такое вообще возможно?

Люси все так же пристально смотрит на меня, но затем в уголках ее глаз появляются морщинки, а губы складываются в самую теплую улыбку из тех, что мне доводилось видеть.

– Тогда все в порядке! Похоже, ты действительно много размышляла об этом и знаешь, что делать.

Стоп. Неужели сработало? Я даже не особо задумывалась над своими словами, просто пыталась сочинить нечто похожее на правду. Чего я там наговорила? Погодите-ка, перечитаю последний абзац...

...

Ага, ладно. Согласна со всем вышесказанным. Уф!

– А сама-то? Не думала о том, как совместить учебу и личную жизнь? – спрашиваю я.

– Личная жизнь для меня теперь – непозволительная роскошь. Я первая из нашей семьи могу получить степень бакалавра. Чтобы приехать сюда, пришлось набрать кредитов больше, чем на тридцать шесть тысяч долларов.

– Ну, все не так уж плохо, – говорю я.

– Это только на первый год.

– Очуметь! – Я хлопаю ладонью по столу. – Так много! Вот уж не думала...

– Знаю. Эмерсон дал мне небольшую стипендию, плюс я получила пару грантов, и родня собрала все, что можно... Но этого хватило только на проживание и питание. Я уже подала заявление на неполный рабочий день в Фонд Эмерсона.

– Зачем брать на себя такую кучу долгов? Думаешь, Эмерсон того стоит?

– Вероятно, нет. И мне придется выплачивать студенческие кредиты до конца жизни.

Слава Богу, Люси смеется, а то я чувствую себя ужасно неловко, даже подмышки вспотели. По правде говоря, мне

крупно повезло, что не пришлось влезать в долги ради колледжа. И разговоры о деньгах рождают у меня чувство вины за свое богатство. Однако Люси не унывает, так что и я не буду. Она тянется за своим стаканом с водой, но он пуст, поэтому я поддвигаю к ней свой.

– Ладно, черт с ними, с кредитами, – продолжает она. – Я всегда мечтала приехать сюда. Программа по маркетингу здесь высший класс, и у них отличное соотношение числа преподавателей и студентов.

– Плюс зарубежная программа где-то под Амстердамом, в настоящем замке, – добавляю я.

– Скажи, круто?

– И Эмерсон реально прогрессивный и толерантный.

– Да! И здесь нет математики, – говорит она.

– И студентам не запрещают спать с преподавателями. – Последнее заставляет Люси поперхнуться водой. Я тянусь к ней через стол. – Все нормально? Что-нибудь принести? Может, вафлю? Да, определенно, тебе нужна вафля.

Спустя ровно три минуты и пятьдесят семь секунд я возвращаюсь в нашу кабинку со свежее испеченной вафлей. Моя соседка уже перестала кашлять, и мы принимаемся щипать вафлю.

Люси бросает на меня любопытный взгляд.

– Так, что насчет...

– Чего?

– Эмерсон действительно позволяет студентам и препода-

вателям... встречаться?

– Ах, это... Я пошутила. Наверняка такое не поощряется. Но ничего, я все равно придумаю, как заполучить препода в свой постельный список. – Люси опять едва не захлебывается. Я накрываю ее руку своей. – Прости. Для тебя это слишком? Может, мне попридержать язык, пока ты в опасной близости от еды и напитков? – Я отодвигаю воду и вафлю подальше от нее – на всякий случай.

– Я в норме, – смеется Люси и прочищает горло. – Боюсь спрашивать, кто еще у тебя в списке?

– Да обычный набор: пожарный, третьесортная знаменитость, писатель... Соседка по комнате. – Я подмигиваю Люси, и она бросает в меня последний кусочек вафли, который я ловлю ртом. – Шутка! Вообще-то, это даже и не список. Так, клочок бумаги с одной фразой: «НАЙДИ С КЕМ». Видишь ли, весь последний год я официально представляю семейство брендов «Шашни напоказ» и веду разгульный образ жизни.

– Почему? Что случилось в прошлом году? – спрашивает она.

– Да, знаешь, обычный занос после неудачного расставания. – Я нарочно тяну время, так как впервые говорю о своем романе с кем-то посторонним. Нужно ли углубиться в предысторию? Или начать сразу с главного? Я выбираю последнее. – Если коротко, то прямо перед зимними каникулами в прошлом году я узнала, что мой парень изменял мне с

девчонкой из другой школы, потому что я – цитирую – «не удовлетворяла его потребности». Все мои друзья, как выяснилось, знали, но мне никто не сказал. Я решила составить свой список сразу после того.

– Ох, Эллиот... – Люси тянется через стол. Я уклоняюсь от ее прикосновения и только отмахиваюсь.

– Нет-нет, наоборот, благодаря этому я усвоила три важных урока: 1) надо тщательнее выбирать друзей, 2) серьезные отношения не для меня, 3) спать можно и без обязательств. – Я умолкаю и вспоминаю, как через четыре месяца после разрыва мой бывший привел на выпускной бал девушку, с которой мне изменил, и я наконец с ней встрети-лась. Мы столкнулись в туалете, я представилась, и мы сразу нашли общий язык. А на следующее утро она проснулась в моей постели, а не с ним. Хорошие были времена...

– Знаешь что? Мне не терпится по-настоящему пуститься во все тяжкие, особенно сейчас, когда я вдали от тех событий и связанных с ними людей. Как видишь, найти свое место в жизни – не единственная моя цель в колледже. В основном я жду не дождусь возможности заняться сексом. – Люси смеется, будто я пошутила, хотя я серьезно. – Люси, здесь нет родителей и правил, зато есть куча экзотических мест для тайных свиданий. А сколько наших ровесников живет в Литтл-билдинг? – Я широко раскидываю руки и обвожу ими вокруг, так что сидящие рядом первокурсники начинают тарашиться на меня. – Это же бездонная бочка доступ-

ной плоти, и грех ею не воспользоваться. Как же мне думать об учебе, когда тут столько классных задниц – только руку протяни? Вот ты бы смогла?

Я рассчитывала рассмешить ее, но, похоже, только смутила. Она откидывается на спинку диванчика и нервно поджигает губы. Я протягиваю руку, чтобы успокоить ее.

– Конечно, если тебе это интересно. А если нет, так я легко придумаю приличествующий список платонических занятий, только дай мне минутку...

– Ничего не имею против секса, – говорит Люси и замолкает, пытаюсь сформулировать следующую фразу. – Просто... ну... кажется, у меня в списке всего один человек. Извини, знаю, звучит не слишком круто.

– Шутишь? Теперь я по уши заинтригована. Кто? Кто? Кто? – не отстаю я.

Она тянется за салфеткой и начинает рвать ее на мелкие кусочки.

– Ну, в общем... просто «парень».

– Подожди-ка, отматываем назад. У тебя *никогда* не было парня?.. Извини за прямоту. Вначале следовало сказать, что «все абсолютно нормально, это твой выбор, хештег #Феминизм, хештег #Не_ведись». Но ты меня просто ошарашила! За такой умной, доброй и классной девчонкой парни должны выстраиваться в очередь длиной в квартал.

– У меня были поклонники. – Это самые откровенные слова, какие я от нее слышала, однако в них нет и намека на

хвастовство. — Правда, меня пытались свести только с армянскими мальчиками, поэтому выбор был невелик, да и вкус у моей родни не самый лучший.

— А как насчет школы? С тобой учились симпатичные парни?

Люси смеется.

— Я ходила в католическую школу для девочек! И много работала: по будням после занятий — в ресторане дяди Льва, по выходным — в маминой гостинице.

— Да уж. Неудивительно, что ты хочешь завести парня. Видать, тебе здорово припекло. — Я шучу, но щеки Люси вспыхивают, а на лице появляется безумно виноватое выражение. Выходит, я угадала. — Значит, тебе реально припекло! Ну, раз так... Давай найдем тебе перепихон!

Люси краснеет еще сильнее и закрывает лицо руками.

— Нет! Я говорила не про секс! Я только сказала, что хочу отношений!

— А парень должен быть армянином или можем расширить круг поисков? — спрашиваю я.

— Господи, нет, — отвечает она. — То есть, конечно, бабушка одобрила бы, выйди я замуж за армянина... Хотя многие из моих родственников нашли супругов вне общины, и никто не поднимал из-за этого шума.

— Давай не будем забегать вперед, — говорю я. — Нам не обязательно искать тебе мистера Навсегда. Достаточно будет мистера На-семестр. — Я достаю телефон и открываю кален-

дарь Эмерсона – вдруг на горизонте есть подходящие мероприятия для поисков достойного кавалера.

Люси откидывает голову на стенку кабинки.

– Боже, что я наделала... В этом семестре у меня двойная нагрузка. Может, не стоит отвлекаться...

– Не переживай! Все пройдет как по маслу. Тебя даже не придется прихорашивать, – говорю я, и тут перед нашей кабинкой появляется Мика с полным подносом еды.

– Что пройдет как по маслу? – спрашивает он.

– Мы собираемся найти Люси парня! – сообщаю я.

– О, прикольно! – Мика проскальзывает в кабинку и усаживается рядом с Люси. Я продолжаю листать календарь Эмерсона в поисках интересных событий.

– Слушай, Мика, в Эмерсоне санкционированы какие-нибудь брачные ритуалы типа официальных танцев? Нам нужна хорошая тусовка с кучей народа, чтобы Люси было из чего выбрать.

– Почему бы вам, дамы, не пойти завтра со мной на вечеринку в Олстон?

– Олстон? Где это? – спрашиваю я.

– За пределами кампуса, конечно. Все лучшие вечеринки проходят в Олстоне, – говорит он, принимаясь за ужин.

– Но как ты достал приглашение на вечеринку вне кампуса? – спрашиваю я ошеломленно. – Мы пробыли в колледже всего один день!

Мика тычет вилкой в мою сторону.

– Хороший журналист никогда не раскрывает свои источники. – Теперь на него косится и Люси. Он вздыхает: – Ну, ладно. Утром в фитнес-центре я познакомился с парнем из той квартиры, где будет вечеринка, и мы вроде как немного пофлиртовали.

– Красавчик, – говорю я, и Мика ухмыляется. Он из тех людей, кто может подружиться с кем угодно и где угодно²⁷. – Значит, решено. Ну как, Люси? Что скажешь? Ты в деле?

Я смотрю на Люси, перед которой стоит дилемма: продолжать идти на поводу у обязательств или рискнуть, отбросить осторожность и пуститься во все тяжкие?

Люси закрывает лицо руками, и сначала я принимаю это за «нет», но потом она произносит:

– А, к черту. Давай. Найди мне парня.

Мика обнимает Люси, и я поднимаю стакан за них обоих.

– Да здравствует охота!

– За охоту на парня! – Мика чокается со мной и еще крепче обнимает Люси.

Зажмурившись, она говорит:

– Кажется, я уже начинаю об этом жалеть.

²⁷ А я из тех, кто не гнушается извлекать выгоду из талантов своих друзей. Особенно если они помогут нам попасть на первую студенческую вечеринку.

Глава 4

Итак, мы на месте: Мика, Люси, Саша и я морозим задницы перед дверью уродливого двухэтажного дома и ждем, когда кто-нибудь впустит нас на нашу первую студенческую вечеринку. Мика что-то быстро строчит в телефоне, Люси беспокойно оглядывается, а Саша – знаменитость из соцсетей, с которой нас свел Мика, – стоит позади нашей группки и ведет онлайн-трансляцию в «Инстаграме». Завершив прямой эфир, она присоединяется к нам и тычет Мику.

– Здесь как-то тихо. Ты уверен, что мы по адресу?

– Конечно. Нам сюда. Я полностью доверяю своему источнику, – успокаивает Мика.

В этот же момент, как по заказу, дверь распаивается, выплескивая в тишину ночи тяжелые басы и дым. Открывший нам высокий качок в традиционной униформе бостонца²⁸ быстро хлопает по рукам с Микой и отступает в сторону, пропуская нас внутрь. Мика подмигивает мне и без дальнейших церемоний проскальзывает в таунхаус. Бросив остальных на произвол судьбы, он сразу же растворяется в толпе. Мы с Люси и Сашей переступаем порог и в обмен на пять долларов – вступительный взнос – получаем красные пластиковые стаканчики с загадочной субстанцией. Она пахнет

²⁸ Кепка «Ред Сокс», толстовка «Патриотов», мешковатые серые спортивные штаны.

как смесь леденцов и жидкости для снятия лака.

Я еще и минуты не пробыла здесь, но уже с полной ответственностью заявляю: все вечеринки в старшей школе, казавшиеся мне безбашенными и гедонистическими, теперь больше напоминают детские утренники. Я искренне верила, что накопленный в выпускном классе опыт поможет мне влиться в тусовку и здесь. Увы, к такому я совершенно не готова.

Не сходя с места, я вижу в одной из комнат алкогольный бобслей, в кухне три человека делают кегстэнд, стоя вверх тормашками и накачиваясь пивом, а в гостиной на мини-платформе вращается настоящий, мать его, диджей. Народ вокруг либо танцует, либо изобретает новые способы заниматься сексом в одежде. Не подумайте, я нисколько не преувеличиваю: прямо передо мной куча трущихся друг о друга тел. Я замечаю один, два, три... нет, пять стояков разной степени готовности и не успеваю оправиться от увиденного, как к нашей группе подлетает полуголый джентльмен в блестках и перьях и предлагает закуски с каннабисом.

Здесь темно, шумно, потно и грязно.

И чертовски круто.

Я стою с Сашей и Люси, наша троица – словно стадо оленей в свете фар. Мы так ошалели, что не можем двигаться, думать, моргать или пить. Парень, открывший дверь, подталкивает Сашу в плечо.

– Эй, подруги, че слиплись тут, как тускомплект? – пере-

крикивая музыку, произносит он с сильным бостонским акцентом и делает щедрый глоток из своего стаканчика.

– Что еще за тускомплект? – спрашивает Люси у Саши. Прежде чем та успевает ответить, бостонец раздражается смехом и качает головой.

– Тускомплект – это группка первокурсников, которые на тусовках не расстаются друг с другом, – сообщает он нам. – Слипнутся вместе и ходят туда-сюда косяком, как стая рыб или типа того. Самый быстрый способ вылететь с вечеринки или стать объектом для насмешек. Так что советую выпить залпом эту шипучку и разбежаться или прямо сейчас свалить отсюда. Выбирайте. – Он сминает свой стаканчик и удаляется прочь.

– Что они тут намешали? – спрашивает Люси.

Я только пожимаю плечами: сама не знаю. Я и раньше напивалась, но в школе мы довольствовались малым: иногда с барского плеча чьего-нибудь старшего брата нам перепадал ящик дешевого разбавленного пива, или кому-то удавалось стащить из родительского бара запылившуюся полупустую бутылку водки, и мы пускали ее по кругу, делая торопливые глотки.

Я обнимаю одной рукой Сашу, другой Люси и спрашиваю:

– Ну что? Остаемся или уходим?

Сейчас мы похожи на футбольную команду, которая со вещается на поле. До меня, похоже, доходит, что тот чувак имел в виду под тускомплектом. Я делаю шаг назад, стараясь

выглядеть круто и непринужденно.

– Я останусь, только шипучку не буду. Да и вообще, не люблю пить, – говорит Люси и отдает свой стаканчик Саше. Та слегка его встряхивает.

– Точно не хочешь капельку жидкой уверенности?

Люси кивает.

– Да. Спасибо за предложение, но завтра с утра пораньше я собиралась заскочить в книжный за учебниками.

«Надо бы и мне поставить напоминание в телефоне», – думаю я, а через две секунды уже забываю, о чем, собственно, шла речь.

Саша пожимает плечами и переливает половину из стаканчика Люси в мой, а остальное себе. Я придиричиво разглядываю жидкость и снова нюхаю, просто чтобы убедиться, что действительно хочу ее выпить.

– К черту, – говорю я, поднимая свой стаканчик за здоровье подруг. Мы с Сашей чокаемся и глотаем содержимое залпом. Зелье пьется на удивление легко. Только бы не пришлось пожалеть об этой легкости утром. Я хочу еще.

– Ну что, дамочки. Давайте покажем им, – говорю я своей команде (такую фразу могла бы произнести моя героиня в киноверсии этого момента). И вместе мы погружаемся в нашу первую студенческую вечеринку.

СТЕПЕНИ ОПЬЯНЕНИЯ ЭЛЛИОТ МАКХЬЮ

1-я степень – Эллиот тепло и уютно

2-я степень – Эллиот очаровательна и весела

3-я степень – Эллиот – заноза, которая вопьется в ваше самое болезненное место

4-я степень – Эллиот хочет танцевать

5-я степень – Эллиот любит всех и хочет целоваться

6-я степень – Эллиот плачет в углу

7-я степень – Эллиот блюет в мусорное ведро (на самом деле – в свою сумочку)

8-я степень – Неизведанная территория

Через тридцать секунд я теряю Сашу из виду. Мы с Люси проталкиваемся сквозь толпу по длинному коридору. Все вокруг пьют, разговаривают или целуются. Воздух густой, липкий и пахнет смесью дешевого пива, сигарет и духов. Чья-то рука протягивает рюмку – не знаю, мне или нет, но все равно выпиваю.

– Тебе уже кто-нибудь понравился? – спрашиваю я.

Щеки Люси заливают румянец.

– Мы только пришли! И здесь так темно, едва видно лица.

– Проверь зрение, подруга! Я уже насчитала четверых, кого с удовольствием раздела бы.

Люси косится на меня.

– Ты бы раздела всех подряд, Эллиот.

– Согласна, у меня от всех бегут мурашки.

Коридор выводит нас на кухню, где толпа зрителей наблюдает за соревнованием двух парней в кегстэнд. Мы протискиваемся дальше и попадаем в столовую.

– Не переживай, вечеринка только началась. Здесь куча парней. Обещаю, мы найдем тебе кого-нибудь.

– Ну... – начинает Люси и снова краснеет. Ага, она что-то скрывает... Я похлопываю ее по руке, чтобы она продолжала. – Вчера на профориентации я кое с кем познакомилась. Сперва я на него даже внимания не обратила, а потом мы разговорились и... не знаю... он милый.

– И симпатичный, надеюсь?

– Кажется, да! Живет на нашем этаже.

– А, очень удобно! Не придется далеко идти утром.

– Может, ты с ним уже знакома? Брэд Мартин. Живет через кор...

Громкий возглас из кухни прерывает Люси на полуслове. Толпа расступается, и мы видим, как один из парней падает после неудачного кегстэнда. Он лежит на полу и ржет, изо рта у него вытекает пиво. Стоящие вокруг тоже смеются и отбивают ему пятерню. И тут до меня доходит, кто этот придурак: один из Брэдов, которые живут через... О нет! Я пе-

ревою взгляд на Люси, беззвучно молясь всем богам, какие только меня слышат. Пожалуйста, хоть бы моя соседка запала на другого Брэда... Но по блеску прекрасных выразительных глаз Люси сразу понимаю, что перед нами Брэд Мартин – именно тот, в кого втрескалась Люси. Проклятье.

– Люси, нет! – говорю я как можно ласковее. – Неужели ты хочешь сделать своим первым парнем вот это?

Тем временем Брэд, лежа на полу в кухне, со всей силы пробивает дыру в банке пива и разбрызгивает содержимое себе в лицо. Люси морщится и вздыхает. На этот раз мне не нужно ничего объяснять. Поведение Брэда говорит само за себя.

Разве он достоин Люси, читатель? Приглядишься к нему хорошенько! Он же просто клоун. Да ни за что в жизни я не позволю своей божественной соседке общаться с таким неотесанным крикуном, как Брэд!

Я сочувственно похлопываю Люси по плечу.

– Не переживай, зайка. Брэд хоть и милый мальчик, но ты встретишь кого-нибудь получше. Обязательно! Давай отыщем Сашу и посмотрим, здесь ли еще Мика или уже удрал.

Однако едва мы поворачиваемся, чтобы идти, как Саша сама находит нас.

– Уф, вот вы где! Я от Мики. Ему нужна твоя помощь.

Мысли о поисках парня для Люси мигом улечиваются у меня из головы.

– В чем дело? Что случилось? Что с Микой? – тараторю я

как заведенная, опасаясь худшего.

Саша ведет нас к сетчатой двери рядом с кухней. Мы выходим на задний двор, где Мика в страдальческой позе склонился над столом для пинг-понга. Я бегу к нему.

– Мика, что с тобой? Где болит? Что ты чувствуешь? – Я протягиваю руки и легонько касаюсь его спины. Он с пронзительным воплем подскакивает и уворачивается от меня. Я вопросительно смотрю на Сашу, и та вздыхает.

– Он проиграл сотню долларов в пинг-понг. – При виде моей реакции она смеется. – И не говори! Когда он начал проигрывать, я пыталась остановить его, но не-е-ет, кому-то явно не терпелось продолжить.

Мика размахивает руками и тычет ракеткой в сторону Саши.

– Я бы не проиграл, если бы ты меня выручила!

– Я уже говорила, что играю в пив-понг, а не пинг-понг. А еще я не принимаю пари, если не уверена в выигрыше на сто процентов.

Мика фыркает и бросает ракетку обратно на стол.

– Тебе нужны наличные? – Я начинаю рыться в лифчике в поисках купюр. – Кажется, у меня были где-то здесь...

– Спасибо, можешь оставить их себе, – вздыхает он. – У меня родители архитекторы, так что с деньгами проблем нет.

– Тогда в чем дело? – спрашивает Люси.

– Ненавижу проигрывать! – хнычет Мика. – Мой старший брат – настоящий спец по пинг-понгу. Будь он на моем месте,

не просадил бы сотню.

Я подхожу к тому месту, где он сидит на корточках. От него разит выпивкой.

– Ну, твоего брата здесь нет. Он ничего не узнает, – говорит Люси.

– Узнает, когда завтра я стану просить маму перевести денег. А она, как всегда, сразу потребует подробный отчет.

– Может, просто соврешь? – спрашиваю я.

– Ты не понимаешь! – кричит он. – Моя мать всегда знает, когда ей лгут. Всегда.

Я смотрю на Люси.

– Что нам делать?

– Ты ведь играешь в пинг-понг? – спрашивает меня Люси. – Ты говорила, что отец тебя научил.

– Да... в смысле, в детстве я часто с ним играла, но...

Мика сразу оживляется.

– О боже, ты должна сыграть ради меня.

– Нет, приятель, – говорю я, отступая на шаг. – Не собираюсь рисковать и проигрывать еще больше.

– Ну, пожа-а-алуйста! – Мика умоляюще складывает руки. – В долгу не останусь. Ты ведь знаешь, я могу пригодиться.

Я задумываюсь. Не исключено, что Мика станет следующим Андерсоном Купером²⁹, и было бы неплохо обеспечить

²⁹ Андерсон Купер – известный американский журналист и телеведущий, многократный лауреат телевизионных премий. (Прим. перев.)

себе на будущее парочку-другую ответных услуг.

— Ладно, — ворчу я. Мика вскидывает руки и бросается меня обнимать. Его объятия не похожи на теплую шоколадную ванну — слишком костлявые. — Хорошо, хорошо. Остынь. С кем я должна играть? Где тот паршивец, который надрал тебе задницу?

Вдруг откуда ни возьмись через весь двор к нам летит мячик для пинг-понга. Он отскакивает от стола и мягко щелкает меня по левой груди.

— Нашла! Готов проиграть четвертый раз? — спрашивает какая-то девушка. Она вышла из-за угла сарая и через толпу во дворе направляется к нам.

Вот черт...

Это Роуз.

Я поворачиваюсь и, понизив голос, спрашиваю:

— Какого хрена здесь забыла наша староста?

Жду ответа, однако мои друзья как в рот воды набрали. Я думала, Роуз против выпивки, вечеринок и любых развлечений. Это последний человек, которого я сейчас хочу видеть. И все же вот она — в многослойном длинном платье из розового фатина и золотистых криперах на платформе. Волосы собраны в пучок на макушке. Не будь я так зла на нее, обязательно отметила бы, какая она красотка в этом наряде. Но я злюсь. Поэтому вовсе не считаю ее красоткой. Ни капельки.

— Нет, я пас.

Возвращаю ракетку Мике, а мячик бросаю Роуз. Та с лег-

костью его ловит.

– Риск – благородное дело, а, Мика? Хотя можешь сдать ся прямо сейчас. Я беру только наличные, – говорит Роуз.

В ту же секунду во мне просыпается дух соперничества. Не люблю, чтобы кто-то наезжал на моих друзей, особенно если этот некто – в идиотской балетной пачке.

– Ладно, – говорю я Мике. – Я в деле.

– Да, моя королева! – радостно кричит он, когда я занимаю место за столом напротив Роуз. Она бросает мячик и спрашивает уже у меня:

– Ва-банк?

– Эллиот, нет! Я не могу позволить... – начинает Мика, но я не обращаю на него внимания.

– Да, – отвечаю я Роуз. Тут мне в голову приходит блестящая идея. – И внесем поправку: если выигрываю я, Мика получит обратно свои деньги, мы с Люси снова повесим гирлянды, а ты купишь мне стиральный порошок.

Роуз кривится. На такое она явно не рассчитывала. Отлично.

– Во-первых, мне известно, что вы уже развесили гирлянды обратно, значит, на это не ставим. А во-вторых, ты поменяла один из своих курсов, как я просила?

– Да, – говорю я и отправляю мяч ей.

– Что-нибудь кроме речевой коммуникации, обязательной для всех первокурсников?

– Нет. – Я одариваю ее презрительной улыбкой.

– Ну ладно. – Роуз скрещивает руки на груди. – Я принимаю новые условия. Только в случае моего выигрыша Мика будет должен вдвое больше, гирлянды исчезнут навсегда, а тебе придется сменить еще один из твоих курсов. – Она с вызовом вздергивает подбородок.

– Идет, – говорю я.

– Может, хочешь размяться для начала? – В ее тоне звучит снисхождение.

– Нет, спасибо, и так сойдет. – Я потягиваю шею и несколько раз вращаю в руке ракетку, чтобы лучше ее почувствовать.

– Уверена? – спрашивает Роуз и кидает мне мяч. На этот раз я перебрасываю его через сетку быстрым топ-спином. Мяч отскакивает от края стола на ее половине и улетает. У нашей старосты отвисает челюсть, а самодовольство сходит с лица.

– Поехали, – ухмыляюсь я.

* * *

– ...шестьдесят, восемьдесят, сто. Можешь забрать вторую сотню у Мики завтра, – говорю я и лезу в лифчик, чтобы вытащить деньги и передать их Роуз.

ДА, ВЫ НЕ ОШИБЛИСЬ. Я ПРОИГРАЛА. ВЫ-ТО НЕБОСЬ, ДУМАЛИ, ЧТО ДЕЛО В ШЛЯПЕ? И ЗНАЕТЕ ЧТО? Я ТОЖЕ ТАК ДУМАЛА. Я с малых лет играла в пинг-

ПОНГ с отцом и наивно считала, что со своим ловким топ-спином и мягкими подрезками я вне конкуренции. И тут появляется эта обольстительная чертовка, у которой с детства в доме стоял автомат для пинг-понга, ведь ее дедушка был ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ИГРОКОМ В НАСТОЛЬНЫЙ ТЕННИС. Разумеется, она меня уделала, и теперь мне придется заплатить сполна.

– Так, что насчет твоих курсов? – спрашивает Роуз. Ее самоуверенная поза и выставленное вперед бедро меня просто бесят.

– Серьезно? Прямо сейчас? Хочешь, чтобы я меняла свое расписание во время вечеринки?

– Эй, не я предложила ставку и проиграла! Давай открывай приложение Эмерсона³⁰.

– Полный беспредел! – возмущаюсь я, но делаю, как она велит. Открываю приложение, нахожу свое расписание и показываю ей. Роуз тут же выхватывает телефон у меня из рук и начинает водить пальцем и постукивать по экрану. – Эй! Ты что делаешь? – кричу я, пытаюсь вернуть телефон.

– Готово! Вот! Я поменяла один из твоих курсов. Не благодари. – Она бросает телефон мне.

– Что ты сделала? ЧТО ТЫ СДЕЛАЛА?! – Я лихорадочно листаю приложение, чтобы узнать, что стало с моим расписанием. – Не-е-ет! Ты заменила «Квир-сны» на... «Сценар-

³⁰ Мой гнев сейчас можно описать только одним словом: фывапродждэдоапд-лырвдфвыж.

ное мастерство»?!

Роуз демонстративно скрещивает руки на груди.

– Да. Думаю, у тебя получится.

– С чего вдруг?!

– Что у нее получится? – Бледная как смерть девушка с голубыми волосами до пояса появляется за спиной у Роуз и обнимает ее за талию.

– Я говорила о сценарном мастерстве, – отвечает Роуз. – Моника, это Эллиот, первокурсница с моего этажа. Эллиот, это Моника, моя девушка.

Роуз отстраняется, чтобы Моника пожала мне руку, но та даже не делает попытки. Я тоже.

– Приятно познакомиться, Моника, – говорю я и обращаюсь к Роуз: – Теперь я свободна? Или у тебя есть еще идеи, как испортить мне жизнь?

– Обязательно что-нибудь придумаю, а пока можешь идти.

Я вздыхаю и отправляюсь на поиски друзей, которые покинули корабль, едва стало очевидно, что он тонет.

* * *

Вернувшись в кухню, я пробираюсь к холодильнику в надежде отыскать выпивку – какую угодно – и краем глаза замечаю пьяного в стельку Брэда, развалившегося в углу рядом с мусорными мешками. Я не успеваю незаметно ускользнуть.

Он видит меня и принимается кричать как ненормальный, указывая пальцем:

– Эллииииоттт!

– Э-м-м... привет, Брэд, – говорю я, раздосадованная тем, что он привлекает ко мне всеобщее внимание.

– Это моя соседка Э-э-эллиот, – поясняет он своим бро. Они помогают приятелю подняться с липкого пола. Споткнувшись, Брэд налетает на меня. Тяжелая, мясистая рука опускается мне на плечо, и я чувствую клубы перегара. – А ты красивая, – шепчет Брэд мне на ухо, пытаюсь дотронуться до волос. – Эй, а почему у тебя мужское имя?

Я отстраняюсь и стаскиваю его тяжелую лапищу со своего плеча. Хватаю у кухонного стола свободный стул и усаживаю на него здоровенную пьяную тушу.

– Ты здорово набрался, приятель. Может, слегка притормозишь? – Я собираюсь налить ему стакан воды, но Брэд хватается меня за руку и притягивает обратно к себе. Он долго разглядывает мою ладонь, а потом начинает смеяться.

– Никогда не видел девушек с такими большими руками, – хихикает он, как пьяный младенец, и кричит своим приятелям: – Йо-о-у! Гляньте на руки Эллиот! Они огро-о-омные! Эй, Эллиот, у тебя мужские руки, ты знала? – спрашивает Брэд, снова переключаясь на меня.

– А разве у рук бывает пол? И да, я в курсе, что они большие. – Я высвобождаю ладонь из липкой хватки, чтобы все-таки принести ему воды.

– Нужна помощь? – произносит кто-то у меня за спиной.

– Можешь налить стакан воды? – спрашиваю я, оборачиваясь.

Передо мной белый парень не из числа упоротых членов братства. Приятная неожиданность.

Обычно я с первого взгляда могу оценить человека, но в этом парне есть нечто, не поддающееся определению. Он в хорошей физической форме, хотя одет явно не как спортсмен: во всем черном, на голове – вязаная шапка. Судя по татуировке на предплечье, мог бы тусоваться с неформалами, хотя чересчур дружелюбен для этой братии. Такого парня нелегко представить за каким-то одним столиком в кафетерии, потому что он вписался бы за любой из них. Словом, идеальный вариант для Люси.

Загадочный незнакомец подходит к раковине, наполняет стакан водой и протягивает пьяному младенцу. Тот делает глоток и кривится.

– Это... не пиво, – ворчит Брэд и засовывает руки под мышки, как шестилетний ребенок. – Хочу пива.

– Это новое пиво, без вкуса, – говорю я, а затем переключаю все внимание на нового персонажа, чьего имени еще не знаю. – Спасибо, – благодарю я его.

Мистер Высокий, Темноволосый и Загадочный с любопытством присматривается ко мне, будто хочет понять, настоящая я или просто мираж.

– Тоже учишься в Эмерсоне? – Я киваю. – Только что по-

ступила или перевелась? – спрашивает он. Еще бы спросил, не вчера ли я появилась на свет.

– Я на первом курсе.

– Я тоже, – говорит он. – Живешь в Литтл-билдинг?

– Ага. На третьем этаже.

Незнакомец достает из холодильника два пива, бросает одно мне, а сам открывает другое и запрыгивает на кухонный стол.

– Круто. А я на восьмом.

– Неплохо, но с третьим не сравнится, – говорю я.

Он замирает на середине глотка.

– Вот как? Это еще почему?

– Третий – единственный жилой этаж, где сохранились оригинальные материалы и конструкция здания. В две тысячи семнадцатом его взялись переделывать, ведь оно жутко древнее и едва не разваливалось. Потом выяснилось, что восстановить можно только первые три этажа, а все верхние придется менять полностью. Это же вроде как круто, разве нет?

Он ставит пиво на стол и недоуменно смотрит на меня.

– А ты странная, да? – В его устах это, скорее, утверждение, а не вопрос.

– Не исключено, – вздыхаю я, а сама тем временем разглядываю его, изучаю, присматриваюсь, подыскиваю подходящее ему определение.

Едва он открывает рот, чтобы что-то сказать, как у меня

появляется вторая за вечер гениальная идея³¹.

– Слушай, побудешь здесь еще немного?

– Я пришел всего десять минут назад и пока никуда не собираюсь, – говорит он. – А что? В чем дело?

– Да просто очень хочу тебя кое с кем познакомить. Сможешь прийти в гостиную минут через пять?

– Наверное...

Кажется, он в замешательстве, хотя заинтригован. Отлично. Значит, полдела сделано. Я допиваю остатки пива и бросаю пустую банку на пол, в кучу других. По шкале опьянения Эллиот Макхью я нахожусь на третьей стадии. Чтобы дойти до пятой³², краду чью-то недопитую бутылку водки и наливаю себе два шота.

– Ладно, тогда до скорого! – бросаю я через плечо и выбираюсь из кухни.

Завидев своих друзей на крыльце, я кричу:

– Эй! Кто хочет танцевать?

Стоит мне приблизиться к ним, как Мика шлепает меня по руке.

– Ты должна мне сто долларов!

– Вот еще! Я не обещала победить. Сам виноват. И кстати, завтра же верни деньги Роуз наличными, а не то она станет

³¹ Первая блестящая идея – пойти ва-банк против Роуз – очевидно была огромной ошибкой. Однако я стала старше, мудрее и теперь куда больше уверена в гениальности своей новой идеи.

³² То есть «Эллиот любит всех и хочет целоваться».

начислять проценты, как в банке.

– И ты проиграла нашу последнюю гирлянду! – восклицает Люси.

– Ладно, ладно. Облажалась, признаю. – Мне правда жаль, что я разрушила мечту своей соседки об идеальной комнате. Нужно загладить вину. – Если я потрусь о тебя задом на танцполе, это поможет? Или будет только хуже? – спрашиваю я.

– Годится, – отвечает Люси и подмигивает.

Просто обожаю свою соседку за ее готовность легко прощать.

Я тащу Мику, Сашу и Люси обратно в дом на танцпол. Не успеваю и глазом моргнуть – катастрофа с пинг-понгом уже забыта, и мы всю зажигаем. Мимо опять проносят мармелад с травкой, и на этот раз я не отказываюсь. Продолжая танцевать, я не отрываю взгляд от коридора и высматриваю таинственного незнакомца.

– В чем дело? – спрашивает Мика, отплясывающий рядом.

– Ничего, просто танцую, – невинно отвечаю я.

– Могу поспорить, ты что-то задумала.

Мы с Микой вне пределов слышимости Люси, поэтому я говорю:

– Ладно. Я встретила одного парня, с которым хочу познакомить Люси. Он вот-вот должен подойти.

– Почему бы тебе не свести ее с Брэдом? Он симпатичный,

да и Люси он нравится.

Я на мгновение останавливаюсь.

– Ты серьезно хочешь, чтобы Большой Бро стал ее первым парнем?

– А что такого?

– Да брось, – усмехаюсь я. – Ты же знаешь парней вроде Брэда.

– Ну, Брэд натурал, а я гей, так что нет, не знаю. А ты не торопишься с выводами? Ты ведь с ним даже толком не знакома.

– Возможно, ты не встречал парней вроде Брэда, зато я встречала и не хочу такого для Люси. Для первого раза ей нужен кто-то получше, чем был у меня.

Мика больше не спорит, и мы снова принимаемся танцевать.

– Хорошо, и где же тот парень, которому ты решила подсунуть нашу Люси?

Как раз в этот момент он появляется из дымных глубин коридора.

– Вот! – показываю я Мике, и у него отвисает челюсть.

– Беру свои слова назад. Молодец, Макхью! Хорошая работа.

Перехватив мой взгляд, красавчик спешит к нам.

– Это Мика, мой друг, – представляю я.

– Привет, я Кентон. – Теперь мы знаем, как его зовут. – Это с ним ты хотела меня познакомить?

– Да, – отвечает Мика, оглядывая Кентона с головы до ног.

– Лапы прочь, – говорю я, отгоняя Мику. – Нет, не с ним.

Я беру Кентона за руку и веду в толпу извивающихся тел, отыскивая Люси и Сашу. Мика наконец-то понял, что от него требуется: он делает мне одолжение и помогает отвлечь Сашу. Когда Люси остается одна, я ее подзываю и представляю:

– Кентон, это Люси, моя очаровательная соседка по комнате. Люси, это Кентон. Он проявил себя настоящим джентльменом и помог уладить один досадный инцидент.

Люси смотрит на Кентона, ее лицо заливают яркий румянец, и я догадываюсь, что у нее приступ мурашек³³.

– Рад знакомству! – говорит Кентон. По его взгляду на Люси ясно: он заглотил наживку целиком³⁴.

Двадцать минут спустя Люси и Кентон трутся друг о друга на танцполе, Мика целуется с разносчиком травки на диване, у Сашы появилась сотня новых подписчиков, а я... Ну, я наверху, в ванной на втором этаже, целую одну аппетитную красотку, пока мои пальцы скользят по ее бедрам.

³³ Помимо румянца мурашки обычно сопровождаются сильным давлением в паховой области, прикусыванием нижней губы, тяжелым дыханием и в редких случаях обильным потоотделением.

³⁴ Неужели вы думали, что мне потребуется три главы, чтобы заинтересовать этого парня такой красоткой, как Люси? Читатель, я тебя умоляю. Мы говорим о пьяных, похотливых студентах. Найти пару в колледже не так уж и сложно.

Глава 5

На следующее утро меня будит назойливое жужжание. Я протираю заспанные пересохшие глаза и только потом сообщаю, что звук исходит от телефона. У меня двадцать семь сообщений: Люси и другие соседи по этажу недоумевают, куда я пропала. В одном из посланий пьяный Брэд благодарит за вчерашнее.

О чем это он?

Ах да. Вечеринка...

Усевшись в постели, я вдруг понимаю, что нахожусь в чужой комнате. Поворачиваю голову направо и вижу растрепанную шевелюру крепко спящей девушки. Приподнимаю одеяло... так и есть: она тоже голая. Похоже, Эллиот-на-пятой-стадии вчера неплохо повеселилась. Мои себе поздравления! Я тянусь за полупустой бутылкой воды на тумбочке и замечаю студенческую карту. Ее обладательницу зовут Лотти, и она второкурсница. Ну, хоть со студенткой переспала, а не со случайной встречной. В смысле не с кем-то еще более случайным, чем случайная студентка. Как можно осторожнее я выскальзываю из кровати, отыскиваю свою мятую одежду в куче на полу, одеваюсь и бесшумно выхожу из комнаты Лотти.

К себе возвращаюсь уже в восемь утра. Роюсь в сумочке в поисках ключей, как вдруг дверь распахивается, и я оказы-

ваюсь лицом к лицу с фурией, вселившейся в мою соседку.

– Доброго утречка! – говорю я с сильным ирландским акцентом.

– Где тебя черти носили?! – налетает на меня Люси и за-
таскивает в комнату.

– Осталась у девицы с вечеринки.

Я вновь принимаюсь раздеваться и жду, что Люси за меня порадуется. Напрасно. Она в ярости.

– Серьезно?! Я так волновалась! Мы искали тебя повсюду, но ты будто сквозь землю провалилась. Я думала, ты вернулась сюда. Почему ты не отвечала на наши сообщения?

– Да все в порядке! Просто немного перебрала и заночевала у одной аппетитной крошки. Я в норме! У меня даже похмелья нет!

Чистая правда. Я как огурчик. Не знаю, с чего вдруг такое везение, обычно наутро меня жестко накрывает.

– Я рада, что ничего не случилось и ты благополучно добралась домой. Но, пожалуйста, в следующий раз думай и о других тоже. По крайней мере, напиши, куда идешь – я хоть буду знать, что с тобой все в порядке. Договорились?

– Да-да, хорошо, обещаю. Извини.

Забавно. Когда родители вот так же муштровали меня в старших классах, я ощущала себя заключенной в камере. Теперь слышу то же самое от Люси – и чувствую, что кому-то безразлична...

Люси обнимает меня, хотя я определенно этого не заслу-

живаю. Я обнимаю ее в ответ и благодарю судьбу, которая ниспослала мне такую всепрощающую и заботливую соседку.

– Хорошо. А теперь на вот, поешь. – Она бросает мне промасленный пакет из коричневой бумаги. – Только что из «Хо Юэня» в Чайнатауне.

Я заглядываю внутрь, вдыхаю сладкий аромат выпечки и тут же набрасываюсь на угощение. О боги! Либо я никогда не пробовала ничего вкуснее, либо голод – лучший повар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.